
ВОЛЬТЕР
Философские повести

Письма Амабеда и др., переведенные аббатом Тампоне

Вольтер

Аннотация
Вольтер. Письма Амабеда и др., переведенные аббатом Тампоне
ПЕРВОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ, ВЕРХОВНОМУ БРАМИНУ МАДУРЫ
ОТВЕТ ШАСТРАДЖИТА
ВТОРОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ
ОТВЕТ ШАСТРАДЖИТА
ТРЕТЬЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ
ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ
ПЕРВОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ ШАСТРАДЖИТУ
ВТОРОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ ШАСТРАДЖИТУ ИЗ ТЮРЬМЫ ИНКВИЗИЦИИ
ТРЕТЬЕ ПИСЬМО АДАТЕИ ШАСТРАДЖИТУ
ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ ШАСТРАДЖИТУ
ОТВЕТ ВЕРХОВНОГО БРАМИНА ШАСТРАДЖИТА НА ТРИ ПЕРВЫЕ ПИСЬМА АДАТЕИ
ПЯТОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ ВЕРХОВНОМУ БРАМИНУ ШАСТРАДЖИТУ
ШЕСТОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ
СЕДЬМОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ

ПЕРВОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ
ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ВТОРОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА С ДОРОГИ
ТРЕТЬЕ ПИСЬМО АМАБЕДА С ДОРОГИ
ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ
ПЯТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ШЕСТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА С ДОРОГИ
СЕДЬМОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ВОСЬМОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ДЕВЯТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ДЕСЯТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ОДИННАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ДВЕНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ТРИНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ПЯТНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ШЕСТНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
СЕМНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ВОСЕМНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА
ДВАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

Аннотация

Из огромного художественного наследия Вольтера наиболее известны "Философские повести". Писатель блистательно соединил традиционный литературный жанр, где раскрываются кардинальные вопросы бытия, различные философские доктрины, разработанные в свое время Монтескье и Дж.Свифтом, с пародией на слезливые романы о приключениях несчастных влюбленных. Как писал А.Пушкин, Вольтер наводнил Париж произведениями, в которых "философия заговорила общепонятным и шутливым языком".

Современному читателю предоставляется самому оценить насмешливый и стремительный стиль Вольтера.

Вольтер
Письма Амабеда и др., переведенные аббатом Тампоне

ПЕРВОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА [1] ШАСТРАДЖИТУ, ВЕРХОВНОМУ БРАМИНУ МАДУРЫ [2]

Бенарес [3], 2-го числа месяца мыши [4], год от обновления мира 115 652-й [5].

Светоч души моей и родитель помыслов, ведущий людей путями Предвечного, сердечный и почтительный привет тебе, высокоученый Шастраджит [6]!

Следуя твоим мудрым советам, я уже настолько постиг язык китайцев, что с пользою для себя читаю пять их Цзинов [7], которые, на мой взгляд, не уступают в древности нашей Шастре [8], коей

---

[1] Примечания: 1

Амабед. — Возможно, это имя Вольтер произвел из Амитаба, имени одного из Будд. Однако это лишь предположение, как и относительно этимологии многих других имен в этой повести, тем более что Вольтер здесь ориентируется на индуистскую, а не на буддийскую традицию…переведенные аббатом Тампоне. — Этот аббат действительно существовал. В середине XVIII в. он был профессором Сорбонны и получил некоторую известность своими нападками на просветителей.

[2] Примечания: 2

Модура — город на юге Индии.

[3] Примечания: 3

Бенарес город на реке Ганг, священный город для индусов; здесь совершаются ритуальные омовения в водах реки.

[4] Примечания: 4

Месяц мыши. — Вольтер прибегает здесь не к индийскому, а к китайскому названию месяцев; месяц мыши (цзы) соответствует январю.

[5] Примечания: 5

Дата эта соответствует 1512 году нашего обычного летосчисления и отделена всего двухлетним промежутком от 1510-го, когда Альфонсо д'Альбукерк взял Гоа. Следует знать, что брамины насчитывают 111 100 лет со времени восстания и падения небожителей и 4552 года со дня обнародования Шастры, что и дает 8 сумме 115 652 года, соответствующие нашему 1512-му, эпохе правления Бабура [Бабур (1483 — 1530) — праправнук Тамерлана, основатель династии Баберидов (или Великих Моголов), правивших на территории Индии, где они путем завоевания основали свое государство.] в империи Великих Моголов, Исмаила Сафи [Исмаил Сафи (1485 — 1523) — персидский царь, основатель династии Сефевидов, правивших в Иране (а также в части Азербайджана, Армении и Афганистана) с 1502 по 1736 г.] в Персии, Селима [Селим — имеется в виду турецкий султан Селим I, правивший в 1512 — 1520 гг. Он носил прозвище Жестокий.] в Турции, Максимилиана I [германский император с 1493 по 1519 г.] в Германии, Людовика XII [французский король с 1498 по 1515 г.] во Франции, Юлия II [папа римский с 1503 по 1513 г.] в Риме, Иоанны Безумной [Иоанна Безумная — испанская королева с 1504 по 1555 г.] в Испании, Мануэле [Мануэл — король Португалии с 1495 по 1521 г.] в Португалии.

[6] Примечания: 6

Шастраджит. — Это имя может быть приблизительно переведено как «Познавший мудрость»,

[7] Примечания: 7

Цзин вообще книги; первоначально — книги, излагающие взгляды древнекитайского философа Лао Цзы.

[8] Примечания: 8

Шастра — вообще книга или трактат; так что такого литературного (или религиозного) памятника не существовало.

ты состоишь толкователем, изречениям первого Зороастра и книгам Тота египетского [9].

В душе своей, неизменно открытой перед тобой, я полагаю, что эти писания и религии ничем не обогатили друг друга: мы — единственные, кому Брама, наперсник Предвечного, поведал о восстании небожителей, о прощении, которое даровал им Предвечный, и о сотворении человека; другим народам неизвестно, по-моему, ни слова об этих возвышенных предметах.

Думаю также, что ни мы, ни китайцы ничем не обязаны египтянам. Создать цивилизованное и просвещенное общество они могли лишь гораздо позже нас: прежде чем возделывать поля и воздвигать города, им надо было укротить Нил.

Правда, божественной Шастре всего 4552 года, но, как доказывают наши памятники, заветы, изложенные в ней, передавались от отца к сыну еще за сто с лишним веков до появления этой священной книги.

После взятия Гоа [10] в Бенарес прибыло несколь-

---

[9] Примечания: 9

Древнеегипетское божество, считавшееся изобретателем иероглифического письма, покровителем наук и ученых, автором всех древних книг.

[10] Примечания: 10

Гоа — португальская колония на западном побережье Индии, южнее Бомбея.

ко проповедников-европейцев. Одному из них я даю уроки индийского языка, а он, в свой черед, обучает меня наречию, имеющему хождение в Европе и называемому итальянским. Забавный язык! Почти все слова в нем оканчиваются на «а», «е», «и» или «о»; дается он мне легко, и скоро я буду иметь удовольствие читать европейские книги.

Зовется этот ученый отцом Фатутто [11], он приятный, учтивый человек, и я представил его Отраде Очей, прекрасной Адатее [12], которую ее и мои родители предназначают мне в жены. Она учится итальянскому вместе со мной. Спряжение глагола «любить» мы усвоили в первый же день. На остальные нам потребовалось еще два. Она ближе всех смертных моему сердцу; после нее — ты. Я молю Бирму [13] и Браму продлить тебе жизнь до ста тридцати лет, по достижении коих она становится лишь обузой.

---

[11] Примечания: 11

Фатутто — то есть Делающий все (итал.).

[12] Примечания: 12

Адатея — Это имя героини повести, по-видимому, восходит к имени Адити, в ведийской традиции прародительницы богов.

[13] Примечания: 13

Бирма — такого божества в индуистском пантеоне нет. Видимо, это выдумка Вольтера.

ОТВЕТ ШАСТРАДЖИТА

Я получил твое письмо, дитя души моей. Да будут вечно простерты над тобой десять рук Дурги [14], восседающей на драконе истребительницы пороков!

Мы действительно — хотя этим отнюдь не следует тщеславиться — цивилизовались раньше других земных племен. Этого не оспаривают даже китайцы. Египтяне же просто очень юный народ, который сам выучился всему у халдеев [15]. Так не будем гордиться тем, что мы самые древние, а постараемся неизменно быть самыми праведными.

Тебе следует знать, дорогой Амабед, что с недавних пор слабый отсвет нашего знания о падении небожителей и обновлении мира замерцал нако-

---

[14] Примечания: 14

Дурга — индийское слово, означающее «добродетель». Эту богиню изображают верхом на драконе и наделяют десятью руками, которыми она сражается с пороками — невоздержанностью, гневливостью, воровством, убийством, оскорблением, злоязычием, клеветой, леностью, неповиновением отцу и матери, неблагодарностью. Многие миссионеры принимают ее изваяния за статуи дьявола.

[15] Примечания: 15

Халдеи — семитическое племя, обитавшее со второго тысячелетия до н. 8. на берегах Персидского залива. Им приписывались многие открытия и изобретения.

нец и людям Запада. В арабском переводе некоей сирийской книги, написанной всего веков четырнадцать тому назад, я читаю: «...Господь... и ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня» [16]. В доказательство автор ссылается на сочинение человека по имени Енох, одного из прародителей их племени. Отсюда ты можешь заключить, что варварские народы всегда были озарены лишь случайным, тусклым и обманчивым отблеском дарованного нам света.

Мой дорогой сын, я смертельно боюсь вторжения европейских дикарей в наши благодатные края. Я слишком хорошо знаю, что представляет собой этот Альбукерк [17], нагрянувший с берегов

---

[16] Примечания: 16

Отсюда следует, что Шастраджит читал Библию по-арабски и знаком с посланием святого Иуды. Цитируемые слова [Вольтер, любивший издеваться над Писанием и приписывать ему несуществующие пассажи, на этот раз цитирует Библию точно.] действительно содержатся там в ст. 6. Апокрифическое сочинение, упоминаемое святым Иудой в ст. 14, — никогда не существовавшая книга Еноха [В действительности»та апокрифическая библейская книга существует; она возникла во II — I вв. до н. э. и является одним из значительных памятников древнееврейской литературы.].

[17] Примечания: 17

Альбукерк Альфонсо (1453 — 1515) — знаменитый португальский мореплаватель и завоеватель; благодаря его экспедициям Португалия получила обширные колониальные владения в Индии.

Запада в страну, любимую светилом дня. Это один из самых отъявленных разбойников, когда-либо опустошавших землю. Он захватил Гоа в нарушение всех договоров, утопив в их собственной крови тысячи мирных и благочестивых людей. Пришельцы с Запада — обитатели бедного края, где почти не производят шелка и вовсе не производят ни хлопка, ни сахара, ни пряностей. У них нет даже глины, из которой мы делаем фарфор. Бог отказал им в кокосовой пальме, дающей тень, кров, одежду, пищу и питье детям Брамы. Им знаком лишь один-единственный напиток, да и тот лишает их рассудка. Подлинное их божество — золото, за которым они готовы лететь хоть на край света.

Хочу надеяться, что твой проповедник — порядочный человек, но Предвечный не поставит нам в грех недоверие к этим чужеземцам. В Бенаресе они овечки, зато, по слухам, сущие тигры там, где европейцы уже утвердились.

От души желаю, чтобы ни у тебя, ни у прекрасной Адатеи никогда не было причин жаловаться на отца Фатутто! И все-таки тайное предчувствие томит меня. Прощай, и пусть Адатея поскорей соединится с тобой священными узами, дабы вкусить небесное блаженство в твоих объятиях!

Это письмо вручит тебе один бания [18], отбывающий отсюда не раньше полнолуния в месяце слона [19].

[18] Примечания: 18

Бания — член касты жрецов-брахманов, на которого возлагались всякие коммерческие поручения.

[19] Примечания: 19

Месяц слона. — Такого месяца в китайском календаре нет.

ВТОРОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ

Родитель помыслов моих, я выучил наречие европейцев еще до того, как твой торговец-бания достиг берегов Ганга. Отец Фатутто по-прежнему выказывает мне искреннюю дружбу. Я всерьез начинаю думать, что он совершенно не похож на тех, чьи коварство и злоба внушают тебе столь обоснованные опасения. Правда, он слишком часто хвалит меня и слишком редко — Отраду Очей, но это и все, что меня настораживает; в остальном он представляется мне человеком в высшей степени добродетельным и благожелательным. Вместе с ним мы прочли книгу, показавшуюся мне очень странной. Это всеобщая история [20], в которой ни слова не сказано о нашей древней державе, обширных странах за Гангом, Китае и необъятной Татарии. Видимо, сочинители,

[20] Примечания: 20

Вольтер имеет в виду знаменитую в свое время книгу Боссюэ (1627 — 1704) «Рассуждение о всемирной истории» (1681), написанную для наставления наследника престола. Вольтер неоднократно критиковал эту работу за ее откровенно религиозный дух и, в частности, за то, что в ней была преувеличена роль еврейского народа в истории Древнего Востока (изложение событий древности Боссюэ строит исключительно на сведениях, сообщаемых Библией).

проживающие в этой части Европы, — изрядные невежды. Я сравнил бы их с крестьянами, красноречиво разглагольствующими о своих лачугах, но не знающими, как называется наша столица, а еще лучше — с теми, кто полагает, будто мир кончается там, где кончается для них горизонт.

Больше всего меня поразило, что отсчет времени от сотворения мира у европейцев совсем иной, нежели у нас. Мой проповедник показал мне церковный календарь, согласно которому его соотечественники живут сейчас в году от сотворения мира не то 5552-м, не то 6244-м, не то 6940-м [21] — кому как нравится. Эта нелепость изумила меня. Я спросил его, мыслимо ли относить одно событие к трем разным датам. «Тебе не может быть, — сказал я, — тридцать, сорок и пятьдесят одновременно. Почему же ты исчисляешь возраст мира от трех противоречащих друг другу дат?» Он ответил, что эти цифры взяты из одной и той же книги и что у них на родине все обязаны принимать на веру подобные противоречивые

[21] Примечания: 21

Этим разнятся тексты древнееврейский, самарийский и семидесяти толковников [Речь идет о так называемой Септуагинте, греческом переводе Ветхого Завета, выполненном в Александрии во II в. до н. э.; считалось, что работавшие одновременно семьдесят переводчиков, создали совершенно одинаковый греческий текст, так как якобы были вдохновлены свыше.].

суждения, дабы смирять этим гордыню разума.

В той же книге говорится о первом человеке Адаме, о Каине, Мафусаиле и Ное, насадившем виноград, после того как океан затопил весь земной шар, — словом, о великом множестве такого, чего я не слыхивал и о чем не читал ни в одной из наших книг. Когда отец Фатутто ушел, нас с прекрасной Адатеей долго разбирал смех: мы ведь слишком хорошо воспитаны и слишком прониклись твоими правилами, чтобы смеяться над людьми в их присутствии.

Мне жаль несчастных европейцев, сотворенных, самое позднее, лишь 6940 лет тому назад, тогда как мы существуем уже 115 652 года. Еще больше мне их жаль по той причине, что они лишены перца, корицы, гвоздики, чая, кофе, хлопка, лака, ладана, благовоний — короче, всего, что делает жизнь приятной. И особенно уж они жалки мне тем, что, подвергаясь таким опасностям, плывут к нам за тридевять земель лишь ради одной цели — с оружием в руках отнимать у нас съестные припасы. Говорят, из-за перца они совершили в Каликуте страшные зверства [22]; это приводит в содрогание все естество индий-

[22] Примечания: 22

Имеется в виду разграбление этого индийского города войсками Васко да Гамы в 1502 г.

ца, совершенно отличное от их естества: грудь и бедра у европейцев покрыты волосами, они носят длинные бороды, и желудок у них плотоядный. Они дурманят себя перебродившим соком винограда, насажденного, по их уверениям, еще Ноем. Даже учтивейший отец Фатутто зарезал двух цыплят, сварил их в котле и безжалостно съел. Этот варварский поступок навлек на него ненависть всей округи, и нам лишь с трудом удалось успокоить страсти. Да простит меня бог, но мне кажется, дай этому чужеземцу волю — и он съест даже священных коров, дарящих нам молоко! Правда, он поклялся не предавать смерти цыплят и довольствоваться свежими яйцами, молочными кушаньями, рисом, здешними превосходными овощами, финиками, кокосовыми орехами, миндалем, печеньем, ананасами, апельсинами и прочим, что производит наша благословенная Предвечным земля.

В последние дни он стал гораздо внимательнее к Отраде Очей и даже сложил для нее два итальянских стиха, оканчивающихся на «о». Такая предупредительность доставила мне большое удовольствие: ты ведь знаешь, как я счастлив, когда люди отдают должное моей дорогой Адатее.

Прощай! Припадаю к стопам твоим, которые

всегда вели тебя стезей добродетели, и целую руки, не написавшие ни слова неправды.

ОТВЕТ ШАСТРАДЖИТА

Дорогой мой сын в Бирме и Браме, мне вовсе не нравится твой Фатутто, убивающий цыплят и сочиняющий стихи в честь Адатеи. Молю Бирму, чтобы опасения мои не оправдались!

Могу поклясться, что, хотя Адам и Ной жили, по его словам, совсем недавно, о них не знает ни одна душа ни в одной части света. В Греции, куда в те дни, когда Александр подошел к нашим границам [23], стекались басни со всего мира, — и то не слыхали этих имен. Не диво, что такие винопийцы, как жители Запада, носятся с тем, кто, по их мнению, насадил лозу; но будь уверен, что ни один древний народ из числа известных нам не знал никакого Ноя.

Правда, во времена Александра в одном из уголков Финикии [24] жило маленькое племя тор-

---

[23] Примечания: 23

Это произошло в 327 г. до н. э., когда войска Александра Македонского вторглись в Пенджаб (Западная Индия).

[24] Примечания: 24

Финикия — древняя страна на Ближнем Востоке, на побережье Средиземного моря. Одно время (второе тысячелетие до н. э.) находилась в подчинении у Египта. Позже, при ослаблении последнего, вела самостоятельную внешнюю политику.

гашей и ростовщиков, надолго угнанных перед тем в рабство вавилонянами. За годы пленения этот народец придумал себе историю, и только в ней можно найти упоминание о Ное. Когда впоследствии народец этот добился себе в Александрии всяческих привилегий, его история была переведена на греческий язык. Затем ее перевели на арабский, но известное представление о ней наши ученые получили лишь в последнее время и относятся к ней с не меньшим презрением, чем к жалкой орде, измыслившей ее [25].

В самом деле, было бы весьма забавно, если бы все народы, а они родные братья, разом утратили свои родословные записи и те отыскались вдруг у крошечной ветви человеческого рода, состоящей из ростовщиков и прокаженных. Боюсь, дорогой друг, что соотечественники твоего отца Фатутто, которые, как ты сообщаешь, усвоили подобные взгляды, могут оказаться столь же безумными и смешными, сколь они алчны, коварны и жестоки.

Женись-ка поскорее на своей очаровательной Адатее: я еще раз повторяю, что опасаюсь Фатутто еще больше, чем разных Ноев.

---

[25] Примечания: 25

Из сказанного явствует, что Шастраджит говорит здесь как истый брамин — человек, лишенный дара веры и чуждый благодати.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ

Благословен во веки веков Бирма, сотворивший мужчину для женщины! Благословен и ты, дорогой Шастраджит, столь способствовавший моему счастью! Отрада Очей — моя: мы поженились. Я не чую под собой земли — я на небесах; при совершении священного обряда недоставало только тебя. Проповедник Фатутто был свидетелем наших святых обетов и без всякого неудовольствия внимал нашим молитвам и песнопениям, хоть он и другой веры. На брачном пиру он также был очень весел. Я изнемогаю от блаженства. Тебе дана иная отрада — ты обладаешь мудростью; а мной обладает несравненная Адатея. Живи долго, будь счастлив и не ведай страстей, иначе, как я, утонешь в море наслаждений. Не могу больше ничего прибавить — вновь лечу в объятия Адатеи.

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ

Дорогой мой друг и отец, мы с нежной Адатеей едем просить твоего благословения. Пока мы не уплатили этот долг своему сердцу, наше блаженство неполно. Но веришь ли? Мы прибудем к тебе через Гоа, куда отправляемся в обществе известного купца Курсома и его жены. Фатутто уверяет, что Гоа стал прекраснейшим из всех городов Индии и что великий Альбукерк примет нас, как принимают послов, а после даст нам трехпарусное судно, на котором мы доплывем до Мадуры. Он уговорил мою жену совершить это путешествие, а ее желания — мои желания. Фатутто твердит, что итальянское наречие распространено в Гоа еще шире, нежели португальское. Отраде Очей не терпится поговорить на языке, который она только что выучила, я же разделяю любое ее желание. Говорят, бывают супруги, у которых две разные воли; у нас с Адатеей — только одна, потому что душа у нас тоже одна. Словом, завтра мы отбываем, лелея сладостную надежду не позже чем через два месяца пролить в твоих объятиях

слезы любви и радости.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ ШАСТРАДЖИТУ

Гоа, 5-го числа месяца тигра [26], год от обновления мира 115 652-й.

Бирма, услышь мои стенания, воззрись на мои слезы, спаси моего дорогого супруга! Брама, сын Бирмы, повергни страх мой и боль мою к стопам своего отца! Ты оказался мудрее нас, благородный Шастраджит: ты предугадал наши несчастья. Амабед, твой ученик и мой возлюбленный супруг, больше не напишет тебе: он посажен в яму, которую эти варвары именуют тюрьмой. На другой день после нашего приезда какие-то люди, вернее, чудовища — их называют здесь inquisitori [27], но я не понимаю этого слова, — схватили нас с мужем и бросили в разные ямы, словно мы уже мертвецы, хотя будь это даже так, нас следовало бы по крайней мере похоронить вместе. Не знаю, что они сделали с моим милым супругом. Я кричала этим людоедам: «Где Амабед? Не убивайте

---

[26] Примечания: 26
Месяц тигра. — Он соответствует марту.

[27] Примечания: 27
Инквизиторы (итал.).

его — убейте лучше меня!» Они молчали. «Где он? Зачем вы разлучили нас?» Вместо ответа меня заковали в цепи. Час назад положение мое немного облегчилось: купец Курсом нашел способ переправить мне хлопчатую бумагу, кисточку и тушь. Все это залито моими слезами, рука у меня дрожит, в глазах темно, я умираю.

ВТОРОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ ШАСТРАДЖИТУ ИЗ ТЮРЬМЫ ИНКВИЗИЦИИ

Божественный Шастраджит, вчера я долго была в беспамятстве и не смогла закончить письмо. Несколько придя в себя, я сложила его и спрятала на груди — ей, увы, уже не кормить детей, которых я надеялась родить Амабеду: я умру раньше, чем Бирма ниспошлет мне потомство.

Сегодня с рассветом ко мне в подземелье явились два изверга с алебардами в руках, с нитью каких-то зерен на шее и с четырьмя красными нашивками на груди, расположенными в форме креста. Все так же молча они подхватили меня под руки и доставили в комнату, обстановку которой составляли большой стол, пять стульев и большая картина, изображавшая нагого мужчину с раскинутыми руками и сведенными вместе пятками.

Следом за ними вошли пять человек в рубахах, надетых на черные мантии, и с двумя длинными полосами пестрой ткани поверх рубах. Я в ужасе рухнула на пол. Но каково было мое удивле-

ние, когда среди этих призраков я увидела отца Фатутто! Я взглянула на него, он покраснел, но ответил мне кротким сострадательным взглядом, на минуту подбодрившим меня. «Ах, отец Фатутто! — вскричала я. — Что с Амабедом? В какую бездну вы меня ввергли? Говорят, есть племена, питающиеся человеческой кровью. Неужели нас тоже убьют и съедят?» Вместо ответа он воздел глаза и руки к небу с таким сокрушением и нежностью, что я окончательно растерялась.

Наконец председатель этого совета немых раскрыл рот и, обращаясь ко мне, спросил: «Правда ли, что вы крещены?» Я была так изумлена и потрясена всем случившимся, что долго не могла ничего ответить. Он страшным голосом повторил вопрос. Кровь во мне застыла, язык прилип к гортани. Председатель в третий раз повторил свои слова, и в конце концов я сказала: «Да», — ибо лгать никогда не следует. Я была крещена в водах Ганга, как все верные дети Брамы, как ты, божественный Шастраджит или мой дорогой злополучный Амабед. Да, я крещена; это мое утешение, моя гордость, и я призналась в этом совету призраков.

Не успело слово «да», символ истины, сорваться у меня с губ, как один из черно-белых призраков

воскликнул: «Apostata!» [28] — и остальные подхватили: «Apostata!» Не знаю, что означает это слово, но произнесли они его таким мрачным, угрожающим тоном, что и сейчас, когда я пишу тебе, пальцы у меня сводит судорогой.

Тут заговорил отец Фатутто и, все так же ласково поглядывая на меня, уверил, что я, в сущности, одушевлена добрыми чувствами, что он в этом ручается, что благодать низойдет на меня, а он отвечает за мое исправление; речь свою он закончил фразой, которой я так и не поняла: «1o la convertiro» [29]. Насколько я могу судить, по-итальянски это значит: «Я верну ее назад».

«Как! — подумала я. — Он вернет меня назад? Что он имеет в виду? Уж не хочет ли он сказать, что вернет меня на родину?»

— Ах, отец Фатутто, — взмолилась я, — верните тогда и молодого Амабеда, моего милого супруга. Верните мне мою душу, мою жизнь!

Он потупился, отвел четверых своих собратьев в угол, пошептался с ними, и призраки удалились вместе с обоими алебардщиками. Уходя, все склонились перед картиной, изображавшей нагого

---

[28] Примечания: 28
Отступница (итал.).

[29] Примечания: 29
Я ее обращу (итал.).

человека. Я осталась наедине с отцом Фатутто.

Он проводил меня в довольно опрятную комнату и обещал, что я не буду больше брошена в яму, если доверюсь его советам.

— Я не меньше вас удручен случившимся, — сказал он. — Я возражал сколько мог, но наши святые законы связали мне руки. Теперь, благодаря небу и мне, вы свободны и получили пристойное жилище, хотя и без права покидать его. Я буду часто навещать вас, утешать и печься о вашем счастье как в этой, так и в будущей жизни.

— Увы, дать мне счастье способен только мой дорогой Амабед, а он в яме! — возразила я. — За что его туда бросили? Кто эти чудовища, допрашивавшие меня, купалась я в Ганге или нет? Куда вы меня привели? Может быть, вы обманули меня? И не вы ли виновник всех этих страшных жестокостей? Позовите сюда купца Курсома — он мой земляк и порядочный человек. Верните мне Дару [30], мою служанку, наперсницу, подругу, которую разлучили со мной. Уж не в тюрьме ли и она за то, что купалась? Приведите ее, дайте мне увидеться с Амабедом, или я умру!

---

[30] Примечания: 30

Дара (точнее — Тара). — Это имя может быть переведено как Звезда.

На мои прерываемые рыданиями слова он ответил уверениями в преданности и готовности служить мне, которые тронули меня. Он дал слово докопаться до причин этой ужасной истории, упросить, чтобы мне вернули мою бедную Дару, а затем и добиться освобождения моего мужа. Он явно жалел меня — я даже заметила, что глаза у него подернулись влагой. Наконец зазвонил колокол, и отец Фатутто вышел из комнаты, на прощание взяв мою руку и прижав ее к своему сердцу. Как тебе известно, этот жест — зримое выражение скрытого доброжелательства. Он не обманет меня: он прижал мою руку к своему сердцу! Да и зачем ему обманывать меня? За что преследовать? Мы с мужем были так предупредительны с ним в Бенаресе. Я сделала ему столько подарков за уроки итальянского языка. Он сочинил для меня итальянские стихи. Он не может меня ненавидеть. Я буду считать его своим благодетелем, если он вернет мне моего несчастного супруга и мы с Амабедом, покинув землю, захваченную и заселенную людоедами, сумеем добраться до Мадуры, пасть к твоим ногам и получить твое святое благословение.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО АДАТЕИ ШАСТРАДЖИТУ

Ты, без сомнения, дозволишь мне, великодушный Шастраджит, посылать тебе дневник моих неслыханных несчастий: ты любишь Амабеда, тронут моими слезами, и тебе не безразлично, что творится в истерзанной горем душе, которая поверяет тебе свои муки.

Сегодня мы плачем уже вдвоем: мне вернули верную мою подругу Дару. Эти изверги бросили в яму и ее. От Амабеда ни слуху ни духу. Мы в одном здании с ним, но между нами неизмеримое расстояние, непреодолимая пропасть. Однако вот новость, которая приведет в трепет твою добродетель и надорвет твое праведное сердце.

От одного из двух стражников, неизменно шествующих перед пятью людоедами, моя бедная Дара узнала, что португальцев крестят, как и нас. Не знаю только, каким путем они переняли наши святые обряды. Чудовища вообразили, будто мы крещены по обряду их секты: в безмерном своем невежестве они даже не подозревают, что заимствовали крещение у нас и притом всего

несколько веков тому назад. Эти дикари решили, что мы принадлежим к их секте, а затем отпали от нее. Именно таково значение слова «apostata», которым они так свирепо оглушили меня. По их мнению, исповедовать не их веру, а другую — гнусное преступление, заслуживающее самой страшной казни. Словами «io la convertiro» — «я обращу ее» отец Фатутто хотел сказать, что вернет меня к вере разбойников. Тут уж я ничего не понимаю, туман застит мне зрение и разум. Может быть, отчаяние лишает меня способности рассуждать, но я не могу взять в толк, как Фатутто, прекрасно знающий меня, решился заявить, что вернет меня к религии, о которой я даже не помышляла, — в наших краях О ней знают не больше, чем знали о португальцах до того, как они с оружием в руках вторглись к нам в погоне за перцем. Мы с моей доброй Дарой теряемся в догадках. Она подозревает, что отцом Фатутто руководит какой-то тайный умысел, но упаси меня Бирма от скороспелых заключений!

Я собиралась написать главному разбойнику Альбукерку — пусть он вступится и освободит моего мужа, но мне сказали, что он отбыл в Бомбей, который намерен захватить и разграбить. Как! Приплыть к нам из такой дали с единствен-

ной целью разорить наши жилища и перебить нас самих? А ведь эти чудовища тоже крещены! Говорят, однако, что за Альбукерком числится и несколько благородных поступков. Словом, отныне я уповаю лишь на верховное существо: оно карает преступников и защищает невинных. Однако сегодня утром я видела, как тигр сожрал двух ягнят, и трепещу при мысли, что верховное существо не настолько дорожит мной, чтобы приспеть мне на помощь.

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ ШАСТРАДЖИТУ

От меня только что ушел отец Фатутто. Какое свидание! Какая смесь коварства, похоти и низости! Неужели в человеческом сердце может таиться такая бездна жестокости! И каково мне писать об этом праведнику!

Он вошел ко мне в комнату, потупив глаза и дрожа всем телом. Я дрожала еще сильнее. Вскоре он овладел собой и начал:

— Я не уверен, что смогу спасти вашего мужа. Здешние судьи проявляют иногда снисходительность к молодым женщинам, но неумолимо строги к мужчинам.

— Что? Жизнь моего мужа в опасности?

Я потеряла сознание. Он заметался в поисках ароматической воды, дабы привести меня в чувство, но ничего не нашел. Тогда он послал за нею мою добрую Дару в лавку на другом конце улицы, а сам расшнуровал меня, чтобы мне было легче дышать. Придя в себя, я с изумлением ощутила на своей груди его руки, а на губах — его губы. Я отчаянно вскрикнула и с отвращением отшатнулась.

— Я лишь проявил заботу о вас, продиктованную милосердием: освободил вашу грудь и удостоверился, дышите ли вы, — сказал он.

— Ах, позаботьтесь лучше, чтобы легче дышалось моему мужу! Неужели он до сих пор в этой мерзкой яме?

— Нет, — ответил он. — Мне с большим трудом удалось добиться его перевода в более удобную темницу.

— Я снова спрашиваю вас: в чем наше с ним преступление? Чем объяснить такую неслыханную жестокость? Почему в отношении нас попраны все законы гостеприимства, общества, природы?

— Этих небольших строгостей требует от нас наша святая вера. Вы с мужем обвиняетесь в том, что отреклись от крещения.

— Что вы несете? — воскликнула я. — Нас никогда не крестили на ваш манер: мы крестились в Ганге во имя Брамы. Не вы ли гнусно оклеветали нас перед теми извергами, что допрашивали меня? Какую цель вы этим преследовали?

Он решительно отмел такое предположение, заговорил о добродетели, истине, милосердии и на минуту почти рассеял мои подозрения, уверив, что те, кого я назвала извергами, — порядочные люди, служители господа и духовные судьи, у

которых повсюду, особенно при чужеземцах, наезжающих в Гоа, есть благочестивые соглядатаи. Эти соглядатаи, добавил он, поклялись его собратьям, духовным судьям, перед изображением нагого человека, что мы с Амабедом были крещены на манер португальских разбойников и, следовательно, Амабед — apostato, а я — apostata.

О добродетельный Шастраджит, то, что мне приходится здесь видеть и слышать, преисполняет меня ужасом от корней волос до ногтей на мизинцах ног!

— Как, — спросила я отца Фатутто, — вы один из этих пяти служителей господа и духовных судей?

— Да, милая Адатея, да, Отрада Очей, я один из пяти доминиканцев, которых наместник бога на земле послал сюда и облек неограниченной властью над душами и телами.

— Что такое доминиканец? Что такое наместник бога?

— Доминиканец — это духовная особа, чадо святого Доминика, инквизитор по делам веры, а наместник бога — священнослужитель, избранный господом, чтобы представлять его в этом мире, получать десять миллионов рупий в год и

рассылать во все концы света доминиканцев [31], наместников наместника божия.

Надеюсь, великий Шастраджит, ты растолкуешь мне эту адскую галиматью, эту немыслимую смесь нелепостей и мерзостей, лицемерия и варварства.

Фатутто говорил с сокрушением и задушевностью, которые в другое время непременно подействовали бы на мою простую невежественную душу. Глаза он то поднимал к небу, то устремлял на меня. В них читались возбуждение и умиленность, но такая, которая заставляла меня дрожать всем телом от ужаса и отвращения. И на языке, и на уме у меня был только Амабед. «Верните мне моего дорогого Амабеда!» — вот к чему сводились, чем начинались и кончались все мои речи.

Тут появилась моя добрая Дара — она принесла мне имбирной и коричной воды. Милое создание! Она ухитрилась передать купцу Курсому три предыдущие мои письма. Курсом уезжает сегодня в ночь и через несколько дней будет в Мадуре. Великий Шастраджит пожалеет меня, оплачет

---

[31] Примечания: 31

Доминиканец — член монашеского ордена, названного в честь его основателя святого Доминика (1170 — 1221), сторонника жестокой борьбы с ересями.

жребий моего мужа, не откажет мне в совете, и луч его мудрости озарит мрак моей гробницы.

ОТВЕТ ВЕРХОВНОГО БРАМИНА ШАСТРАДЖИТА НА ТРИ ПЕРВЫЕ ПИСЬМА АДАТЕИ

Добродетельная и злополучная Адатея, супруга моего любимого ученика Амабеда, знай, Отрада Очей, что глаза мои оросили потоками слез все три твои письма. Какой противоестественно злобный демон спустил на нас из глубины европейской ночи чудовища, добычей которых стала Индия? Ах, нежная супруга дорогого моего ученика, неужели ты не видишь, что отец Фатутто — злодей, заманивший тебя в ловушку? Как ты не понимаешь, что он-то и упрятал твоего мужа в яму, куда засадил и тебя, чтобы ты оказалась обязана ему своим спасением? Чего только он не потребует в знак признательности! Я содрогаюсь от ужаса вместе с тобой и немедля сообщу об этом попрании международного права всем верховным служителям Брамы, всем эмирам, раджам, набобам и самому великому императору Индии, блистательному Бабуру, двоюродному брату солнца и луны, царю царей, сыну Мирзы Мухаммеда сына Байсункора сына

Абу Сайда сына Миран-шаха сына Тимура, дабы они соединенными усилиями положили конец разбою грабителей-европейцев. Какая бездна злодейства! Никогда жрецы Тимура, Чингисхана, Александра, Огуз-хана [32], Сусакима [33] и Вакха [34], поочередно приходившие покорять нашу священную и мирную землю, не позволяли себе такого лицемерия и таких мерзостей; напротив, Александр повсюду оставил вечные памятники своего великодушия. Вакх творил лишь добро: он был избранник неба. Ночью его войско вел огненный столп, превращавшийся днем в тучу [35]. Он посуху перешел Красное море; при нужде он приказывал солнцу и луне остановиться; от его чела исходили два снопа небесных лучей; рядом с ним всегда был ангел-истребитель, но он при-

---

[32] Примечания: 32

Огуз-хан — видимо, лицо вымышленное. Предполагается, что это предводитель племени огузов, союза тюрко-монгольских племен, обитавших в VI — XI вв. в бассейне реки Сырдарьи.

[33] Примечания: 33

Сусаким (так в греческом переводе Ветхого Завета) — египетский фараон Шешонк из XII династии, правивший в IX — VIII вв. до н. э. Известен как воинственный полководец. В Библии рассказывается, как он разграбил Иерусалим (III кн. Царств, XIV, 25 — 26).

[34] Примечания: 34

Вакх. — Поздние мифы действительно рассказывают о путешествии Вакха по Востоку и о творимых им чудесах. Вольтер сопоставляет эти мифы с библейскими легендами о Моисее.

[35] Примечания: 35

Можно не сомневаться, что сказания о Вакхе имели широкое хождение в Аравии и Греции задолго до того, как цивилизованные народы задались вопросом, была или нет у евреев своя история. Иосиф признается даже, что евреи прятали свои богослужебные книги от соседних племен. Вакха чтили в Египте, Аравии, Греции много раньше, чем в этих странах стало известно имя Моисея [Моисей — библейский патриарх, вождь еврейского народа. О нем рассказывается в нескольких книгах Ветхого Завета (Исход, Левит, Числа, Второзаконие).]. В древних орфических стихах Вакх именуется Миса или Моса. Он восходил на гору Ниса, что точно соответствует Синаю; затем бежал к Красному морю, собрал там войско и перешел это море посуху. Он останавливал солнце и луну; во всех его походах ему сопутствовал верный пес, и Халев, [Этот персонаж упоминается в библейской книге Числа (XIII, 31).] имя одного из еврейских завоевателей, означает «собака».

Ученые много, хотя и безуспешно, спорили, кто кому предшествовал: Моисей Вакху или наоборот. Оба они великие люди, но Моисей, ударив жезлом по скале, извел лишь воду, тогда как Вакх, ударив по земле тирсом, извел из нее вино. Вот почему все застольные песни прославляют Вакха, а в честь Моисея не сложили даже одной-двух.

зывал на помощь лишь ангела-утешителя. Ваш же Альбукерк привез с собой только монахов, плутов-торговцев и убийц. Праведный Курсом подтвердил твой рассказ о вашей с Амабедом беде. Как я жажду спасти вас или отомстить за вас, прежде чем умру! Да вызволит вас вечный Бирма из рук монаха Фатутто! Сердце мое обливается кровью при мысли о ранах, нанесенных вашим сердцам.

N. B. Отрада Очей получила это письмо лишь спустя долгое время после отъезда из города Гоа.

ПЯТОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ ВЕРХОВНОМУ БРАМИНУ ШАСТРАДЖИТУ

Какими словами решусь я описать тебе новое мое несчастье? В силах ли стыдливость поведать о позоре? Бирма видел злодейство, и он не пресек его! Что будет со мной? Яма, куда я была брошена, и та не столь ужасна, как нынешнее мое положение.

Сегодня утром отец Фатутто вошел ко мне в одном легком шелковом подряснике и весь благоухая. Я была еще в постели. «Победа! — объявил он. — Приказ об освобождении вашего мужа наконец подписан». При этих словах я воспламенилась восторгом и назвала Фатутто своим отцом, своим благодетелем. Он нагнулся и поцеловал меня. Я подумала было, что это просто невинная ласка, целомудренное свидетельство его доброты ко мне, но он тут же сорвал одеяло, сбросил с себя подрясник, накинулся на меня, как коршун на голубку, придавил меня всей своей тяжестью, мускулистыми руками намертво стиснул мои слабые руки и, заглушив поцелуями

стенания, рвавшиеся с моих губ, распаленный, неукротимый, безжалостный... О, какая минута! Зачем я не умерла!

Дара, почти нагая, прибежала мне на помощь, но, увы, лишь тогда, когда спасти меня от позора мог разве что удар грома. О провидение, о Бирма! Гром не грянул, и мерзкий Фатутто изверг в мое лоно жгучую росу своего злодеяния. Нет, даже десять рук божественной Дурги не обуздали бы неистовство этого Махишасуры [36].

Моя дорогая Дара изо всех сил оттаскивала его, но представь себе воробья, который теребит перья коршуна, насевшего на голубку, — и ты воочию увидишь отца Фатутто, Дару и несчастную Адатею.

Чтобы отомстить Даре за несвоевременное заступничество, он схватил ее самое одной рукой, повалил и, удерживая меня другою, обошелся с бедняжкой столь же немилосердно, как со мной, после чего с гордым видом хозяина, наказавшего двух рабынь, удалился, бросив на прощанье:

---

[36] Примечания: 36

Махишасура — один из вождей мятежных небожителей в их борьбе против Предвечного, согласно Аватарашастре [Аватарашастра. — Аватара — это воплощение божества (в индуизме). Но такого трактата о божественных превращениях в действительности не существовало.], древнейшей книге браминов; к ней, вероятно, восходит сказание о войне богов с титанами, равно как и другие выдумки такого рода.

— Знайте, что такая же кара ждет вас обеих всякий раз, когда будете упрямиться.

Добрых четверть часа мы с Дарой не смели ни заговорить, ни посмотреть друг на друга. Наконец она вскричала:

— Ах, дорогая моя госпожа, что за ужасный человек! Неужели все его собратья столь же безжалостны?

Я думала лишь о своем злополучном Амабеде. Мне обещали его вернуть и не возвращают. Покончить с собой значит оставить его на произвол судьбы. И я не наложила на себя руки.

Целый день я питалась лишь своей скорбью. Еду в обычный час нам не принесли. Дара удивилась и начала сетовать; мне, напротив, казалось зазорным есть после того, что с нами случилось. Тем не менее у нас отчаянно разыгрался аппетит, но никто не шел, и мы были почти без памяти от голода, как раньше от горя.

Наконец, под вечер, нам дали пирог с голубятиной, пулярку, двух куропаток, маленький хлебец и, в довершение обид, бутылку вина без воды. Это самое оскорбительное издевательство, которому можно подвергнуть Двух женщин, претерпевших столько, сколько мы, но что было делать? Я упала на колени. «О Бирма! О Вишну! О Брама!

Вам ведомо: то, что входит в тело, не оскверняет душу. Вы сами наделили меня душой; простите же ей, если состояние моего тела с роковой неизбежностью мешает мне ограничиться одними овощами. Я знаю, есть цыпленка — страшный грех, но нас к нему принуждают. Пусть же все эти преступления падут на голову отца Фатутто! Да превратится он по смерти в несчастную молодую индианку, а я — в доминиканца и да отплачу я ему за все причиненное мне зло еще немилосердней, чем он поступил со мной!» Не возмущайся и прости нас, добродетельный Шастраджит: мы сели за стол. Как горестны радости, за которые потом себя коришь!

P. S. Сразу же после ужина я принялась за письмо к правителю Гоа, именуемому коррежидором [37]. Я прошу его освободить нас с Амабедом и заодно уведомляю о преступлениях отца Фатутто. Моя дорогая Дара заверяет, что переправит ему мое письмо через одного из стражников инквизиции, который иногда видится с ней у меня в передней и выказывает ей большое уважение. Посмотрим, что принесет нам этот рискованный шаг.

---

[37] Примечания: 37

Коррежидор — глава городского самоуправление в Португалии и ее колониях (соответствует испанскому коррехидору).

ШЕСТОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ

Поверишь ли, мудрый наставник человеков? Даже в Гоа есть справедливые люди, и коррежидор дон Же-ронимо — один из них. Наше с Амабедом несчастье тронуло его, несправедливость возмутила, преступление разгневало. Он взял с собой судей и отправился в тюрьму, куда мы заключены. Как мне стало известно, этот вертеп именуется Дворцом святейшей инквизиции. Но вот что удивит тебя: коррежидора не впустили. Пять извергов встали на пороге со своими алебардщиками и ответили служителю правосудия:

— Именем господа, ты не войдешь!

— Именем короля, я войду, — ответил он. — Дело подсудно королю.

— Нет, богу, — возразили чудовища.

— Я обязан допросить Амабеда, Адатею, Дару и отца Фатутто, — настаивал справедливый дон Жеронимо.

— Допросить инквизитора? Доминиканца? — вспылил главарь извергов. — Это святотатство!

Бсоттиш-сао! Эсоттитсао [38]!

Я слышала, что это страшные слова: тот, к кому они обращены, обычно умчрает до истечения трех суток.

Противники разгорячились, еще немного — и началась бы свалка, но в конце концов стороны обратились к гоанскому bispo [39]. Bispo у этих варваров — примерно то же, что ты среди детей Брамы: духовный их правитель. Одеяние у него фиолетовое, на руках он носит фиолетовые башмаки, по торжественным дням надевает шапку, похожую на сахарную голову с вырезом посредине. Этот человек нашел, что обе стороны равно не правы и что судить отца Фатутто полномочен лишь наместник бога. К его божественности и было решено отправить виновного вместе с Амабедом, мною и моей верной Дарой.

Я не знаю, где живет этот наместник — по соседству с великим ламой или в Персии, но что мне до того! Скоро я свижусь с Амабедом и последую за ним куда угодно — на край света, на небо, в ад. Стоит мне подумать о нем, как я забываю все — яму, тюрьму, надругательство Фатутто, его

---

[38] Примечания: 38
Анафема! Анафема! (буквально: отлучаю; португ.)

[39] Примечания: 39
Епископ (португ.).

куропаток, которых имела низость съесть, его вино, которое имела низость выпить.

СЕДЬМОЕ ПИСЬМО АДАТЕИ

Я свиделась с моим нежным супругом: нас вновь соединили, и– я заключила его в объятия. Он стер пятно преступления, которым осквернил меня гнусный Фатутто; подобно священным водам Ганга, смывающим с души любую скверну, он дал мне новую жизнь. Обесчещенной остается одна лишь Дара, но твои молитвы и благословения вернут ей весь блеск былой чистоты.

Завтра нас отправят на корабле в Лиссабон, родину надменного Альбукерка. Там, без сомнения, и живет наместник бога, которому предстоит рассудить нас с Фатутто. Если он в самом деле наместник божий, как все здесь уверяют, Фатутто не может избегнуть кары. Утешение, конечно, невелико, но для меня важно не столько наказание отъявленного злодея, сколько счастье моего милого Амабеда.

Какой, однако, удел назначен слабым смертным, этим листъям, уносимым ветром! Мы с Амабедом родились на берегах Ганга — нас увозят в Португалию; мы рождены свободными — нас будут судить в чужой стране. Вернемся ли мы на

родину? Совершим ли задуманную нами поездку к твоей священной особе?

Но как нам с дорогой моей Дарой ехать на том же корабле, что повезет отца Фатутто? Мысль об этом приводит меня в содрогание. По счастью, со мной будет мой отважный муж: он защитит меня. А что станет с Дарой, у которой нет мужа? Словом, остается одно — уповать на провидение.

Впредь писать тебе будет мой милый Амабед. Он поведет дневник наших судеб и обрисует тебе новые земли и небеса, которые предстоит нам увидеть. Пусть Брама еще долго хранит твою бритую голову и разум, вложенный им в твой мозг!

ПЕРВОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Итак, я еще в числе живых! Я вновь пишу тебе, божественный Шастраджит! Я узнал все, и ты тоже все знаешь. Отрада Очей ни в чем не виновна, да и не могла быть виновна: вместилище добродетели — сердце, а не какое-нибудь иное место. Фатутто, этот носорог в лисьей шкуре, по-прежнему нагло заявляет, что крестил нас с Адатеей в Бенаресе на европейский манер и что я apostato, а Отрада Очей — apostata. Он клянется нагим человеком, изображенным здесь чуть ли не на каждой стене, что его облыжно обвинили в насилии над моей супругой и ее верной служанкой Дарой. Со своей стороны Отрада Очей и кроткая Дара клятвенно утверждают, что были поруганы. Ум европейцев бессилен проникнуть в эту бездну мрака; они твердят, что разобраться тут может лишь наместник божий, поскольку он непогрешим.

Завтра коррежидор дон Жеронимо отсылает всех нас морем к этому необыкновенному суще-

ству, которое никогда не ошибается. Верховный судья варваров, он живет отнюдь не в Лиссабоне, а гораздо дальше, в величественном городе, именуемом Рум. У нас в Индии слыхом о таком не слыхивали. Какое тягостное путешествие! Чего только не претерпевают дети Брамы в здешней краткой жизни!

Попутчиками нашими будут европейские купцы, певицы, два пожилых офицера из войск португальского короля, накопившие в нашей стране много денег, жрецы наместника божия и несколько солдат.

Какое счастье, что мы выучились итальянскому, обиходному языку всех этих людей. Португальского мы бы просто не поняли. Зато ужасно другое — плыть на одном судне с Фатутто. Сегодня нам уже велено ночевать на корабле: с восходом он выйдет в море. Мне с женой и Дарой отвели маленькую комнатку — шесть шагов в длину, четыре в ширину. Говорят, это большая привилегия. Нам пришлось запастись всякими мелочами на дорогу. Вокруг невообразимый шум и гам. Народ толпами сбегается поглазеть на нас. Отрада Очей плачет, Дара дрожит. Придется потерпеть! Прощай и вознеси за нас свои святые молитвы Предвечному, сотворившему несчаст-

ных смертных ровно 115 652 годичных оборота солнца вокруг земли (или земли вокруг солнца) тому назад.

ВТОРОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА С ДОРОГИ

На второй день плавания корабль подошел к Бомбею, захваченному человекоубийцей Альбукерком, которого именуют здесь Великим. Поднялся адский грохот: наше судно дало девять пушечных выстрелов, и таким же числом их ответили с городских укреплений. Отрада Очей и юная Дара уже решили, что пришел наш последний час. Нас окутал густой дым. Но поверишь ли, мудрый Шастраджит? Это была простая вежливость — так варвары приветствуют друг друга. Шлюпка привезла из города письма, отправляемые в Португалию, и мы вышли в открытое море, оставив справа устье великой реки Джамбудвипы [40] — варвары называют ее Индом.

Вокруг нас только простор, который именуется небом у этих разбойников, недостойных настоящего неба, да беспредельное море, которое они переплыли, подгоняемые алчностью и кровожадностью.

---

[40] Примечания: 40

Джамбудвипа. — Это не название реки Инд, а название Индийского субконтинента.

Капитан, однако, кажется мне человеком порядочным и разумным. Он не разрешает отцу Фатутто появляться на палубе, когда мы поднимаемся подышать воздухом, а когда он наверху, мы остаемся внизу. Он и мы — словно день и ночь, никогда не возникающие на горизонте одновременно. Я непрестанно размышляю о том, как судьба играет злополучными смертными. Мы плывем по Индийскому морю с каким-то доминиканцем, чтобы судиться с ним в Руме за шесть тысяч миль от нашей родины.

На корабле есть важное духовное лицо, именуемое раздавателем милостыни [41], хотя оно вовсе ее не раздает. Напротив, это ему суют деньги за чтение молитв на языке, не похожем ни на итальянский, ни на португальский и не понятном никому из экипажа, включая, кажется, самого раздавателя: он постоянно спорит с отцом Фатутто о значении произносимых им слов. Капитан сказал мне, что раздаватель — францисканец [42],

---

[41] Примечания: 41

Раздаватель милостыни — церковная должность в католических странах; такие раздаватели состояли при знатных сеньорах (как светских, так и духовных), при короле, папе и т. п.

[42] Примечания: 42

Францисканец — член нищенствующего монашеского ордена. Равные задачи францисканцев и доминиканцев и их разный образ жизни нередко приводили к вражде представителей этих орденов.

а Фатутто — доминиканец, и они по убеждению держатся противоположных взглядов на все. Их секты — заклятые враги, и, чтобы подчеркнуть различие во мнениях, они даже платье носят различное.

Францисканца зовут Фамольто [43]. Он ссужает меня итальянскими книгами, трактующими о вере наместника божия, перед которым мы должны предстать. Мы с моей милой Адатеей читаем их, а Дара слушает. Сперва она отказывалась присутствовать при чтении, чтобы не прогневить Браму; но чем больше мы читаем, тем больше укрепляемся в приверженности к святым догматам, которым ты учишь верующих.

---

[43] Примечания: 43
Фамольто — то есть Делающий много (итал.).

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО АМАБЕДА С ДОРОГИ

Раздаватель милостыни прочел с нами послания одного из главных святых итальянской и португальской церкви. Его звали Пюалем. Ты, знающий все, знаешь, без сомнения, и Пюаля [44]. Это великий человек: некий голос сверг его с коня, а луч света ослепил; он, как и я, насиделся в темнице, что ставит себе в заслугу; он добавляет также, что пять раз получил по 39 ударов бичом, то есть, в сумме, 195 ударов по ягодицам; кроме того, его трижды били палкой, хотя число ударов не уточнено, и один раз забросали камнями, что уже чересчур — от такого не оправишься. Он утверждает, наконец, что провел сутки на дне морском. Мне очень его жаль, но за свои страдания он все-таки вознесен на третье небо. Признаюсь, высокоученый Шастраджит, я не отказался бы от такой участи, даже если бы это обошлось мне в 195 хороших ударов розгой по заду.

---

[44] Примечания: 44

Пюаль. — В первом издании повести здесь был назван апостол Павел; далее Вольтер пересказывает связанные с ним библейские легенды. В последующих изданиях писатель изменил это имя (переставив гласные), произведя тем самым новый его вариант от глагола «вонять».

Прекрасно смертному на небеса подняться.

Прекрасно и упасть оттоль, -

как выражается один из наших превосходных индийских поэтов [45], достигающий иногда подлинного величия.

Наконец я узнал, что Пюаля, как и меня, препроводили в Рум на суд. Выходит, дорогой Шастраджит, Рум во все времена был судьей для смертных? Этот город наверняка чем-то превосходит остальной мир; все, кто едет на нашем корабле, клянутся только Румом, да и в Гоа все вершилось именем Рума.

Скажу больше. Бог нашего судового священника Фамольто, а он у него тот же, что у Фатутто, родился и умер в стране, зависимой от Рума, и сам платил подать Заморину [46], который правил тогда этим городом. Не находишь ли ты все это крайне странным? Мне, например, кажется, что я словно во сне, равно как и те, что окружают меня.

---

[45] Примечания: 45

В действительности Вольтер цитирует французского драматурга Филиппа Кино (1635 — 1688), его пьесу «Фаэтон» (действ. IV, явл. 2).

[46] Примечания: 46

Заморин — старое название правителя Каликута.

Фамольто прочитал нам о вещах еще более невероятных. То осел говорит по-человечески [47], то святой проводит трое суток во чреве китовом [48], после чего выходит оттуда в прескверном расположении духа. Некий проповедник улетает читать проповеди на небо в огненной колеснице [49], влекомой четверкой огненных коней. Некий ученый переходит море посуху [50] в сопровождении трех миллионов человек, спасающихся вместе с ним бегством. Другой останавливает солнце и луну [51], хотя последнее меня не удивляет: ты поведал мне, что Вакх делал то же самое.

Больше же всего меня, человека, строго блюдущего чистоту и стыдливость, возмущает то, что бог этих людей повелел одному из своих проповедников печь хлеб на человеческом кале

---

[47] Примечания: 47

Имеется в виду эпизод с Валаамовой ослицей из библейской книги Числа (XXII, 22 — 30).

[48] Примечания: 48

Речь идет об Ионе (см. прим. к с. 113).

[49] Примечания: 49

Имеется в виду библейский пророк Илия, живший в царствование Ахава. О его вознесении на небо на огненной колеснице рассказывается в IV кн. Царств (II, 11 — 13).

[50] Примечания: 50

Речь идет о Моисее, который перевел евреев при их бегстве из Египта через Красное море, воды которого расступились перед ними (Исход, XIV, 21 — 22).

[51] Примечания: 51

Имеется в виду библейский персонаж (служитель Моисея) Иисус Навин (см. Кн. Иисуса Навина, X, 12 — 13).

[52], а другому спать с продажной блудницей [53] и иметь от нее детей.

Есть кое-что и похуже. Фамольто, ученый человек, остановил наше внимание на истории двух сестер — Оголы и Оголины [54]. Ты, разумеется, знаешь — ты все читал. Это повествование так смутило мою жену, что у нее покраснели даже белки глаз; бедная Дара, выслушав этот отрывок, прямо-таки запылала от стыда. Фамольто, видимо, большой шутник. Тем не менее, заметив, насколько прочитанное покоробило меня и Отраду Очей, он тут же захлопнул книгу и удалился, сказав, что должен обдумать текст.

Он оставил мне свою священную книгу, и я прочел наугад несколько страниц. О Брама, о правосудие небесное! Что за люди описаны в этом сочинении! Все они в старости спят со своими служанками [55]. Один творит мерзость с

---

[52] Примечания: 52

Вольтер имеет в виду эпизод из библейской книги пророка Иезекииля (IV, 12).

[53] Примечания: 53

Это эпизод из библейской книги пророка Осии (I, 2 — 3).

[54] Примечания: 54

Имеются в виду библейские блудницы, символизирующие собою города Самарию и Иерусалим (Книга пророка Иезекииля, XXIII).

[55] Примечания: 55

Вольтер имеет в виду эпизод из жизни библейских персонажей Авраама и Иакова (см. Бытие, XVI, 1-15; XXX, 3-12).

женой отц [56]а, другой — с невесткой [57]. Здесь целый город непременно хочет обойтись с неким бедным священником, как с красивой девушкой [58]; там две знатные юницы спаивают родного отца [59], поочередно спят с ним и приживают от него детей.

Но окончательно повергла меня в ужас и омерзение повесть о том, как обитатели великолепного города, к которым бог послал двух небожителей, постоянно пребывающих у подножия его престола, двух чистых духов в ореоле божественного света... Перо мое содрогается, как и душа!... Решусь ли договорить?... Так вот, эти горожане изо всех сил пытались осквернить посланцев господних [60]. Что гнуснее плотского греха мужчины с мужчиной? А с небожителем?

---

[56] Примечания: 56

Речь идет о любовной связи Рувима с Валлой, наложницей его отца Иакова (Бытие, XXXV, 22; XLIX, 4).

[57] Примечания: 57

Имеется в виду патриарх Иуда и его связь с Фамарью (Бытие, XXXVIII, 14 — 19). Правда, Фамарь обманула Иуду, прикинувшись блудницей.

[58] Примечания: 58

Этот случай с одним молодым левитом в городе Иевусеев описан в книге Судей (XIX, 22 — 23).

[59] Примечания: 59

Имеется в виду история Лота и его дочерей (Бытие, XIX, 30 — 38).

[60] Примечания: 60

Речь идет о жителях погрязшего в пороках города Содома (Бытие,

XIX, 1 — 11).

Мыслимо ли такое? Дорогой Шастраджит, благословим Бирму, Вишну и Браму и возблагодарим их за то, что мы никогда не знали этого непостижимо гнусного порока. Говорят, завоеватель Александр пытался когда-то укоренить этот пагубный обычай в нашей стране и прилюдно блудил со своим любимцем Гефестионом. Небо покарало их: оба они погибли во цвете лет. Приветствую тебя, повелитель души моей, разум моего разума. Адатея, скорбная Адатея вверяет себя твоим молитвам.

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА ШАСТРАДЖИТУ

Мыс, именуемый мысом Доброй Надежды, 15-го числа месяца носорога [61].

Давно уж не расстилал я лист бумаги на доске и не обмакивал кисточку в раствор черного лака, чтобы дать тебе подробный отчет. Мы оставили далеко справа Баб-эль-Мандебский пролив, ворота в Красное море, воды которого некогда расступились, всхолмившись, как горы, и дали пройти Вакху с его войском. Я очень жалею, что мы не бросили якорь у берегов счастливой Аравии, где Александр намеревался основать столицу своего царства и средоточие мировой торговли. Мне сильно хотелось взглянуть на Аден или Эдем, священные сады которого так славились в древности; на Мокку, знаменитую своим кофе, которое поныне произрастает лишь в этих краях, и на Мекку, где великий пророк мусульман учредил столицу своего государства и куда ежегодно стекается столько народу из Азии,

---

[61] Примечания: 61
Месяц носорога. — Такого месяца нет в китайском календаре

Африки и Европы, чтобы облобызать черную глыбу, упавшую с неба [62], которое не слишком часто посылает смертным такие камни. Но нам не позволили удовлетворить наше любопытство: мы почти безостановочно плывем в Лиссабон, а оттуда в Рум.

Мы уже пересекли равноденственную линию и посетили королевство Мелинду [63], где у португальцев есть крупный порт. Матросы погрузили на судно слоновую кость, серую амбру, медь, серебро и золото. Теперь мы достигли великого мыса в стране готтентотов. Племя их, по всей видимости, происходит не от детей Брамы. Природа наделила здесь женщин передником из собственной кожи, прикрывающим их сокровище, которое готтентоты боготворят, слагая в честь него мадригалы и песни. Люди эти ходят совершенно голыми. Такая мода вполне естественна, но, на мой взгляд, неприлична и неразумна. Готтентот — несчастное создание: он постоянно видит свою готтентотку и спереди, и сзади,

[62] Примечания: 62

Этот камень действительно существует, он находится в специальной нише восточной наружной стены мечети Кааба в Мекке и является предметом особого суеверного почитания всеми мусульманами.

[63] Примечания: 63

Мелинда. — Этот порт расположен при впадении в океан реки Замбези.

а значит, желать ему больше нечего. Для него не существует очарования преграды, и ничто не возбуждает его любопытства. Платье наших индианок, придуманное для того, чтобы его задирать, — свидетельство более высокого развития. Я убежден, что женские наряды изобрел на радость нам тот же мудрый индиец, которому мы обязаны шахматами и триктраком.

У этого мыса, представляющего собой границу мира и, вероятно, межевой столб между Востоком и Западом, мы простояли два дня. Чем дольше я размышляю о цвете кожи здешних туземцев, о квохтании, заменяющем им членораздельную речь, об их внешности и о переднике местных женщин, тем больше убеждаюсь, что это племя иного происхождения, нежели мы.

Наш францисканец утверждает, что готтентоты, негры и португальцы восходят к одному и тому же предку. Это столь же нелепо, как если бы меня стали уверять, будто куры, деревья и травы в этой стране произошли от кур, деревьев и трав Бенареса или Пекина.

ПЯТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

16-го числа, вечером, на мысе, именуемом мысом Доброй Надежды.

Вот новое происшествие. Капитан отправился со мной и Отрадой Очей прогуляться по обширному плоскогорью, о подножие которого разбиваются волны Южного моря, а тем временем священник Фамольто тайком увлек нашу юную Дару в небольшое, недавно построенное заведение, называемое здесь кабаком. Бедная девушка в простоте своей решила, что раз Фамольто не доминиканец, ей нечего бояться. Вскоре мы услышали крики. Представь себе, это свидание пробудило ревность Фатутто! Он неистово ворвался в кабак, где оказались и два матроса, также воспылавшие ревностью. Какая, однако, ужасная страсть! Оба матроса и оба священника изрядно угостились напитком, который, по их словам, изобретен Ноем, а по нашему мнению — Вакхом. Пагубный дар, он мог бы приносить пользу, если б им нельзя было так легко злоупотреблять! Европейцы утверждают, что он воодушевляет их, но может ли так быть, коль скоро он лишает

их рассудка?

Моряки и европейские бонзы сцепились в клубок. Один матрос насел на Фатутто, тот на Фамольто, а францисканец на второго матроса, возвращавшего ему то, что получал сам; все четверо, непрерывно меняя противников, дрались то двое на двое, то трое на одного, то все против всех; каждый тянул к себе нашу злополучную служанку, испускавшую жалобные вопли. Подоспевший на шум капитан отлупил без разбора всех драчунов и ради безопасности Дары увел ее к себе в помещение, где заперся с нею часа на два. Офицеры и пассажиры, люди как на подбор весьма учтивые, столпились вокруг нас, уверяя, что монахи (так они называли священников) будут строго наказаны наместником божиим сразу же по прибытии в Рум.

Через два часа капитан вышел и вернул нам Дару с любезностями и комплиментами, которыми моя жена осталась вполне довольна. О Брама, какие странные вещи случаются во время путешествия и насколько благоразумней оставаться дома!

ШЕСТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА С ДОРОГИ

Я не писал тебе со дня происшествия с нашей маленькой Дарой. Во время плавания капитан неизменно выказывал ей особенное расположение. Я побаивался, как бы он не стал столь же любезен с моей женой, но она прикинулась, будто тяжела по четвертому месяцу. Португальцы смотрят на беременных, как на святыню, и считают, что их нельзя расстраивать. Этот по меньшей мере похвальный обычай избавляет Адатею от покушений на ее честь, которой я так дорожу. Доминиканцу запрещено даже приближаться к нам, и он подчинился.

Через несколько дней после сцены в кабаке францисканец пришел к нам просить прощения. Я отвел его в сторону и спросил, как он, принесший обет целомудрия, мог позволить себе подобные вольности. Он ответил:

— Да, я действительно принес такой обет, но, помилуйте, можно ли клятвенно обещать, что кровь перестанет течь у меня по жилам, а ногти и волосы — расти? Так все равно не будет.

Надо не требовать от нас обета целомудрия, а заставить нас быть целомудренными, оскопив всех монахов поголовно. Птица летает, пока у нее целы крылья. Отрубить оленю ноги — вот единственный способ воспретить ему бегать. Не сомневайтесь: любой священник, если он такой же крепкий мужчина, как я, и лишен женщины, поневоле будет делать вещи, от которых краснеет сама природа, и все-таки приступать петом к святым таинствам.

Я многое узнал из беседы с этим человеком. Он посвятил меня во все тайны своей веры, повергшие меня в изумление.

— Преподобный отец Фатутто, — сказал он, — плут, не верящий ни в одно слово своих поучений; что до меня, то я испытываю серьезные сомнения, но отгоняю их и закрываю на все глаза — словом, подавляю собственную мысль и наудачу бреду по избранной мною стезе. Перед каждым священником тот же выбор: либо неверие и отвращение к своему ремеслу, либо безмыслие, делающее это ремесло мало-мальски сносным.

Поверишь ли? После этих признаний он предложил мне стать христианином! Я ответил:

— Как вы можете убеждать меня принять веру, в которой сами нетверды, меня, рожденного в

лоне древнейшей религии в мире, меня, исповедующего учение, которому, самое малое, было уже сто пятнадцать тысяч триста лет, когда, по вашим собственным словам, на земле еще не появились францисканцы?

— Ах, дорогой мой индиец, — возразил он, — сумей я обратить в христианство вас и прекрасную Адатею, этот плут доминиканец, не верящий в непорочное зачатие Девы, лопнул бы от зависти. Вы обеспечили бы мою карьеру, помогли бы мне стать bispo [64], а это доброе дело, и господь вознаградил бы вас.

Как видишь, божественный Шастраджит, среди европейских варваров попадаются разные люди: одни — смесь заблуждений, слабости, алчности и глупости; Другие — отъявленные и закоснелые мошенники. Я передал наш разговор Отраде Очей, и она лишь сострадательно улыбнулась. Кто бы предположил, что именно на корабле, плывущем вдоль берегов Африки, мы научимся понимать людей!

---

[64] Примечания: 64

Bispo — португальское слово, означающее episcopus, то есть на галльском наречии «епископ». Оно не встречается ни в одном из четырех евангелий.

СЕДЬМОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

Как хороши берега Южного моря, и как мерзостны его обитатели! Это просто звери. Чем больше природа делает для нас, тем меньше мы делаем для нее. Здешние племена ничего не умеют. Когда глядишь на них, так и напрашивается вопрос — кто от кого произошел: они от обезьяны или обезьяны от них? Наши мудрецы учат, что человек — подобие божие! Хорошенькое, однако, подобие Предвечного: нос приплюснут, ума вовсе или почти никакого! Конечно, наступит пора, когда эти животные научатся возделывать землю, украсят ее зданиями и садами, постигнут движения светил, но на это нужно время. Мы, индийцы, полагаем, что нашей философии 115 652 года, но, при всем почтении к тебе, я считаю это ошибкой: на мой взгляд, чтобы достигнуть тех высот, на которые мы поднялись, нужен гораздо больший срок. Положим по меньшей мере 20000 лет на создание приемлемого языка, еще по столько же на изобретение азбучного письма, обработки металлов, плуга и ткацкого стана, мореплавания. А сколько еще столетий уйдет на

другие искусства! Халдеи насчитывают 400 000 лет, но даже этого недостаточно.

На побережье, именуемом Анголой, капитан купил полдюжины негров по обычной тут цене — за шесть быков. Вероятно, страна эта населена более густо, чем наша, иначе людей не продавали бы так дешево. Но как возможна такая плотность населения при таком невежестве?

Капитан везет с собой нескольких музыкантов; он приказал им заиграть на своих инструментах, и бедняги негры тут же начали танцевать, причем не хуже, чем наши слоны. Мыслимо ли так любить музыку и не изобрести ни скрипки, ни хотя бы волынки? Ты ответишь, великий Шастраджит, что этого не сумели даже сообразительные слоны и что надо ждать. Не могу ничего возразить.

ВОСЬМОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

Не минуло и года, а мы уже в виду Лиссабона, стоящего на реке Тахо, которая издавна знаменита тем, что волны ее якобы несут с собой золотой песок. Если это правда, зачем португальцы отправляются за ним в такую даль? Любой европеец ответит, что лишнее золото никому не мешает. Лиссабон, как ты мне и рассказывал, — столица небольшого королевства. Он родина того самого Альбукерка, который причинил нам столько зла. Должен признаться, в португальцах, завоевавших часть нашей прекрасной страны, есть нечто великое. Видимо, жадность до перца пробуждает в них предприимчивость и отвагу.

Мы с Отрадой Очей пытались побывать в городе, но нам не разрешили сойти на берег: мы пленники наместника божия, и судить нас — меня, Адатею, Дару, францисканца Фамольто и доминиканца Фатутто — можно лишь в Руме.

Нас перевезли на другой корабль, отплывающий в город наместника божия.

Капитан его, пожилой испанец, разительно отличается от португальца, который был с нами так

предупредителен. Он изъясняется односложными словами, да и то редко; за поясом у него торчат нанизанные на нитку зерна, и он постоянно их перебирает: говорят, это признак добродетели.

Дара весьма сожалеет о прежнем капитане: она находит, что тот был гораздо учтивее. Испанцу передали связку бумаг — документы для разбирательства нашего дела в румском суде. Корабельный писец прочел их вслух. Он считает, что Фатутто приговорят быть гребцом на одной из галер наместника божия, а священника Фамольто выпорют. Весь экипаж согласился с ним, а капитан, не сказав ни слова, спрятал бумаги. Мы подняли якорь. Да сжалится над нами Брама, и да взыщет он тебя своими милостями! Брама справедлив, но все-таки странно: я родился на берегах Ганга, а судить меня должны в Руме. Уверяют, однако, что такое случалось и с другими иноземцами.

ДЕВЯТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

Ничего нового. И капитан, и команда одинаково мрачны и неразговорчивы. Ты же знаешь индийскую пословицу: «По хозяину и слуга». Мы переплыли море, которое в одном месте, между двумя горами, сужается до девяти тысяч шагов, и вошли в другое, усеянное островами. Один из них весьма примечателен: им управляют христианские монахи, носящие короткое платье [65] и шляпу и дающие обет убивать всех, кто носит длинное платье и головную повязку; они должны также отправлять богослужение. Мы встали на якорь около более крупного и очень красивого острова, называемого Сицилией. Когда-то он был еще прекрасней: по рассказам, там высились великолепные города, от которых остались теперь лишь руины. На острове жили боги, богини, великаны, герои, на нем ковали молнии. Богиня по имени Церера покрывала его тучными нивами. Наместник божий все изменил: сейчас там везде

[65] Примечания: 65

Речь идет об острове Мальта, владении Мальтийского ордена; во времена Вольтера, да и раньше, чисто религиозные функции членов ордена уступили место функциям военным.

одни процессии да грабежи.

ДЕСЯТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

Вот мы и на священной земле наместника божия. В книге Фамольто я читал, что это страна золота и лазури, что стены там из смарагдов и рубинов, в ручьях течет масло, ключи бьют молоком, а поля сплошь покрыты лозами, каждая из коих дает сто тысяч бочек вина [66]. Возможно, мы увидим все это, когда подъедем к Руму.

Наш корабль с большим трудом пристал к берегу в маленьком и весьма неудобном порту, именуемом Старым городом [67]. Это точное название: здесь всюду запустение и развалины.

Дальше мы поехали в тележках, запряженных волами. Последних, вероятно, пригнали издалека, потому что земля по обеим сторонам дороги совершенно невозделана: везде гнилые болота

---

[66] Примечания: 66

Амабед явно говорит о святом Иерусалиме, с такой точностью описанном в Апокалипсисе, у Юстина [Юстин — христианский писатель II в. н. э., автор «Апологии христианской религии»; погиб как мученик за веру ок. 165 г.], Тертуллиана [Тертуллиан (160 — 240) — раннесредневековый латинский писатель и богослов.], Иринея [Ириней — один из христианских мучеников, епископ Лиона (ум. ок. 200 г.). Причислен к лику святых.] и других великих мужей; но, как видит читатель, бедный брамин имел самое смутное представление о предмете.

[67] Примечания: 67

Старый город — то есть порт Чивита-Веккия.

да бесплодные вересковые пустоши. По пути нам попадались исключительно люди без рубашек, прикрывавшиеся лишь полой плаща и с гордым видом просившие у нас подаяния. Как нам рассказали, вся их пища — плоские маленькие хлебцы, которые бесплатно раздаются им по утрам; жажду они утоляют одною только святой водой.

Без этой толпы нищих, готовых протащиться пять-шесть тысяч шагов, лишь бы жалобными криками выклянчить себе одну тридцатую рупии, местность была бы просто безлюдной пустыней. Нас даже предупредили, что ездить здесь по ночам смертельно опасно. Видимо, бог разгневался на своего наместника, коль скоро даровал ему не страну, а сточную канаву природы. Я узнал также, что край этот был некогда весьма красив и плодороден, а таким жалким стал лишь после того, как им завладели наместники божий.

Пишу, мудрый Шастраджит, прямо в повозке — надо же чем-нибудь заняться от скуки. Адатея изумлена увиденным. Напишу тебе снова сразу по прибытии в Рум.

ОДИННАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

Наконец-то мы добрались до Рума. Мы прибыли в город вчера, сразу после полудня, 3-го числа месяца овцы [68] или, по здешнему счету, 15 марта 1513 года. Первые впечатления наши оказались прямо противоположны тому, чего мы ожидали.

Едва мы подъехали к воротам, носящим имя святого Панкратия [69], как увидели две толпы монахов: одни были одеты, как наш судовой священник; другие — как отец Фатутто. Впереди каждой несли знамя и стол с резным изображением нагого человека, в той же позе, что в Гоа. Участники обеих процессий шли попарно, распевая песню, способную вызвать зевоту у целой провинции. Когда они поравнялись с нашими тележками, одни закричали: «Вот святой Фатутто!»; другие: «Вот святой Фамольто!» Нашим монахам стали целовать одежду, народ пал на колени.

---

[68] Примечания: 68

Месяц овцы. — Этот месяц китайского календаря соответствует августу.

[69] Примечания: 69

Прежде они назывались Яникульскими, из чего явствует, насколько новый Рим возобладал над старым.

— Сколько индийцев вы обратили, преподобный отец?

— Пятнадцать тысяч семьсот, — ответил один.

— Одиннадцать тысяч девятьсот, — отозвался другой.

— Благословенна дева Мария!

Все взоры устремились к нам, толпа обстала нас кольцом.

— Это ваши новообращенные, преподобный отец?

— Да, мы их крестили.

— До чего же они у вас премилые! Слава в вышних богу!

Отцов Фатутто и Фамольто их собратья увели в какое-то роскошное здание, а мы отправились на постоялый двор. Народ повалил за ними, крича: «Сагго [70], сагго!» — благословляя нас, целуя нам руки и на тысячу ладов расхваливая мою дорогую Адатею, Дару и меня самого. Мы не могли прийти в себя от изумления.

Не успели мы устроиться на постоялом дворе, как явился человек в фиолетовом одеянии, сопровождаемый двумя другими в черных рясах, поздравил нас с прибытием и первым делом

---

[70] Примечания: 70

Непристойное итальянское слово, означающее приблизительно «дурак, недотепа».

предложил нам от имени Пропаганды [71] деньги, если мы в них нуждаемся. Кто такая Пропаганда — я не знаю. Я ответил, что деньги у нас еще есть, да и бриллиантов довольно (я проявил предусмотрительность и держал как кошелек, так и коробочку с камнями в кармане исподних штанов). Человек тут же склонился передо мной чуть ли не до земли и начал величать меня превосходительством.

— Не слишком ли утомилась в дороге ее превосходительство синьора Адатея? Не угодно ли ей отдохнуть? Не смею навязываться, но я всегда к ее услугам. Синьор Амабед может располагать мною: я пришлю ему чичероне [72], который неотлучно будет при нем; если что понадобится, синьору стоит лишь приказать. Не окажут ли, отдохнув, их превосходительства мне честь подкрепиться у меня? Почту за честь прислать за ними карету.

Надо признаться, божественный Шастраджит, этот западный народ не уступит в вежливости

---

[71] Примечания: 71

Пропаганда — специальная конгрегация, учрежденная папой Климентом VIII в 1597 г. для повсеместной проповеди христианского учения.

[72] Примечания: 72

Как известно, ciceroni называют людей, чье занятие — показывать древности иностранцам.

даже китайцам. Затем человек в фиолетовом удалился. Мы с прекрасной Адатеей проспали часов шесть. Когда стемнело, за нами приехала карета, и мы отправились к этому предупредительному синьору. Дом его был ярко освещен и украшен куда более приятными картинами, чем изображение нагого человека, виденное нами в Гоа. Собравшееся там многолюдное общество осыпало нас любезностями, восхищаясь тем, что мы индийцы, поздравляя нас с крещением и предлагая нам свои услуги на все время, какое нам заблагорассудится провести в Руме.

Мы хотели было заговорить о суде над отцом Фатутто, но нам не дали даже рта раскрыть. В конце концов нас, смущенных таким приемом, растерянных и ничего не понимающих, отправили домой.

ДВЕНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

Сегодня нам нанесли бесчисленное множество визитов, а княгиня Пьомбино прислала двух конюших просить нас к ней на обед. Мы отправились туда в великолепном экипаже. У нее оказался и человек в фиолетовом. Я узнал, что это один из сановников, то есть слуг наместника божия, которых именуют prelati, «предпочтенные». Княгиня Пьомбино — женщина на редкость радушная и открытая. За столом она усадила меня рядом с собой. Ее страшно удивило наше отвращение к румским голубям и куропаткам. Предпочтенный сказал, что, раз мы христиане, нам следует есть дичину и пить монтепульчанское вино, как делают все наместники божий: это важная примета истинного христианина.

Прекрасная Адатея со своим обычным простодушием возразила, что она не христианка, — ее крестили в Ганге.

— Боже мой, сударыня! — ответил предпочтенный. — В Ганге, в Тибре, в купели — какая разница? Все равно вы из наших. Отец Фатутто

обратил вас, и это для нас честь, которой мы не хотим лишаться. Да вы и сами видите, насколько наша вера превосходит вашу.

С этими словами он наложил нам в тарелки крылышки рябчиков. Княгиня выпила за наше здоровье и душевное спасение. Тут все принялись нас уговаривать, да так любезно, остроумно, учтиво, весело и вкрадчиво, что в конце концов мы с Адатеей (да простит нас Брама!) поддались соблазну и как нельзя лучше поели, твердо решив по приезде домой окунуться в Ганг по самые уши и смыть с себя грех. Теперь никто уж не сомневался, что мы христиане.

— Этот отец Фатутто, без сомнения, великий миссионер, — сказала княгиня. — Я хочу взять его в духовники.

Мы с моей бедной женой покраснели и потупились. Время от времени синьора Адатея пыталась дать понять, что мы прибыли на суд к наместнику божию и ей не терпится увидеть последнего.

— А его сейчас не существует, — пояснила княгиня. — Он умер [73], и в эти дни как раз выбирают нового. Как только тот будет избран, вас немедленно представят его святейшеству. Вы

---

[73] Примечания: 73

Речь идет о папе Юлии II, который скончался в ночь на 21 февраля 1513 г. Его преемник Лев X был избран 11 марта.

окажетесь очевидцами и лучшим украшением самого священного торжества, какое только может узреть человек.

Адатея сказала в ответ что-то остроумное, и княгиня прониклась к ней большим расположением.

В конце обеда нас усладили музыкой, которая, осмелюсь утверждать, гораздо лучше той, что мы слышали в Бенаресе и Мадуре.

После обеда княгиня велела заложить четыре раззолоченные колесницы и посадила нас в свою. Она показала нам прекрасные здания, статуи, картины. Вечером были танцы. Я втайне сопоставлял этот очаровательный прием с подземной темницей, куда нас бросили в Гоа, и не понимал, как одно и то же правительство, одна и та же бера могут быть такими снисходительными и благожелательными в Руме и поощрять такие ужасы вдали от него.

ТРИНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

По случаю выборов наместника божия Рум раскололся на мелкие партии, движимые взаимной ненавистью, но относящиеся друг к другу с учтивостью, почти равной дружбе; народ взирает на отцов Фатутто и Фамольто как на избранников божества и с почтительным любопытством толпится вокруг нас; а я, дорогой Шастраджит, предаюсь глубоким раздумьям насчет образа правления в этом городе.

Я сравнил бы его с обедом, данным нам княгиней Пьомбино. Зал был чист, удобен, наряден, поставцы сверкали золотом и серебром, гости блистали весельем, остроумием, изяществом; кухню же заливали кровь и жир, повсюду возбуждая тошноту и распространяя зловоние, валялись шкуры четвероногих, перья и потроха птиц.

Таков, на мой взгляд, и румский двор: учтивость и терпимость дома, вздорный деспотизм за рубежом. Когда мы заявляем, что ищем управы на Фатутто, в ответ нам только улыбаются и втолковывают, что мы Должны быть выше

таких пустяков: правительство чрезвычайно ценит нас и не допускает мысли, что мы еще помним о какой-то глупой шутке, — ведь Фатутто и Фамольто всего лишь нечто вроде обезьян, которых старательно обучают разным штукам на потребу черни. Подобные разговоры неизменно заканчиваются одним и тем же — уверениями в уважении и дружеских чувствах к нам. Как мы должны вести себя, великий Шастраджит? Мне кажется, самое разумное — смеяться вместе с другими и не отставать от них в учтивости. Я намерен изучить Рум — это стоит труда.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

От последнего моего письма до этого прошло уже немало времени. Я читал, присматривался, беседовал, думал. Клянусь тебе, на свете не было еще более зияющего противоречия, чем между румскими правителями и румской верой. Вчера я говорил об этом с одним из теологов наместника божия. Теолог при здешнем дворе — то же, что последний слуга в доме: он делает черную работу; убирает сор, а приметив в нем какую-нибудь тряпку, на всякий случай припрятывает ее.

— Ваш бог, — сказал я ему, — родился в яслях, между волом и ослом; возрос, жил и умер в бедности; строго наказал ученикам своим блюсти нищету; предупреждал их, что не будет меж ними ни первого, ни последнего, а кто захочет повелевать другими, пусть сам служит им. У вас же, как я вижу, все идет наперекор тому, что заповедал вам бог. Ваша вера отнюдь не похожа на его веру. Вы принуждаете людей верить в то, о чем у него ни слова не сказано.

— Верно, — согласился мой собеседник. — Бог

нигде прямо не велит нашим правителям обогащаться за счет народов, но это вытекает из его учения. Он родился между волом и ослом, но в хлев явились три царя и поклонились ему. Волы и ослы — это народы, которые мы наставляем; три царя — это монархи, простертые у наших ног. Его ученики жили в скудости — значит, наши правители должны утопать в роскоши: если первым наместникам божиим хватало одного экю, то нынешним позарез нужно десять миллионов. Быть бедным — значит нуждаться в самом необходимом; следовательно, наши правители, которым тоже, по их мнению, недостает самого необходимого, поневоле блюдут обет бедности. Что же касается догматов, то бог не написал сам ни слова, а мы умеем писать; стало быть, писать догматы — тоже нам. Вот время от времени, когда в том возникает необходимость, мы и сочиняем догматы. Например, мы объявили брак зримым выражением незримы: чувств; благодаря этому бракоразводные дела всей Европы поступают в наш румский суд, потому что только мы властны видеть незримое. А такой приток дел — обильный источник богатств, стекающихся в наше святейшее казначейство, дабы мы могли утолить свою жажду бедности.

Я осведомился, не располагает ли святейшее казначейство другими источниками дохода.

— Располагает, и даже многими, — ответил он. — Нам приносят его живые и мертвые. Стоит, например, кому-нибудь преставиться, мы отправляем душу его во врачебницу [74], прописываем ей лекарства, и вы не представляете себе, какие деньги нам это дает.

— Как так, монсиньор? Мне всегда казалось, что с покойника много не возьмешь.

— Верно, синьор, но у него есть родственники, которые в состоянии извлечь его из врачебницы и поместить в более приятное место. Исцеляться целую вечность — печальный удел для души. Тут мы вступаем в сделку с живыми, они покупают умершему душевное здоровье — одни дороже, другие дешевле, смотря по средствам, и мы вручаем им записку во врачебницу. Уверяю вас, это одна из самых крупных статей нашего дохода.

— Но как же ваши записки попадают к душам умерших?

— Это уж забота родственников, — рассмеялся он и добавил: — Кроме того, повторяю: нам дана неограниченная власть над тем, что незримо.

---

[74] Примечания: 74

...отправляем душу ею во врачебницу... — то есть в чистилище.

Мне сдается, этот монсиньор — отъявленный плут, но я многому научился из бесед с ним и чувствую, что решительно изменился.

ПЯТНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

Тебе следует знать, дорогой Шастраджит, что рекомендованный мне монсиньором чичероне, о котором я бегло упомянул в одном из предыдущих писем, — весьма смышленый человек, показывающий чужеземцам достопримечательности древнего и нового Рума. Как видишь, Рум всегда повелевал миром — и в старину, и сейчас, но былые его обитатели стяжали эту власть мечом, тогда как нынешние — пером. Военная дисциплина создала могущество кесарей, историю которых ты знаешь; монашеская дисциплина — могущество (хотя оно другого рода) наместников божиих, называемых папами. На том же месте, где встарь происходили триумфы, ныне шествуют процессии. Чичероне объясняют все это иноземцам, снабжают их книгами и девицами. При всей своей молодости я не склонен изменять прекрасной Адатее и ограничиваюсь книгами, изучая, главным образом, здешнюю религию, — она меня очень забавляет.

Мы с моим чичероне прочли жизнеописание

бога этой страны. Преудивительная история! Это был человек, одним своим словом иссушавший смоковницы [75], превращавший воду в вино [76] и топивший свиней [77]. У него была куча врагов. Родился он, как тебе известно, в городишке, подвластном румскому императору. Когда враги его, люди весьма лукавые, спросили, следует ли платить подать императору, он ответил: «Отдавайте кесарево кесарю, а божие богу [78]». Я нахожу такой ответ чрезвычайно разумным. Мы с чичероне как раз рассуждали об этом, когда явился монсеньор. Я наговорил ему много хорошего об их боге и попросил объяснить, каким образом их казначейство ухитряется следовать вышеприведенному завету, коль скоро оно забирает себе все, ничего не оставляя императору. Тебе следует знать, что, помимо наместника божия, у

[75] Примечания: 75
См. Ев. от Матф., XXI, 19. Здесь и далее Вольтер упоминает отдельные события, о которых рассказывается в Евангелии.

[76] Примечания: 76
См. Ев. от Иоанна, II, 7 — 9.

[77] Примечания: 77
См. Ев. от Матф., VIII, 32.

[78] Примечания: 78
См. Ев. от Матф., XXII, 21.

жителей Рума есть еще император [79], которого они именуют также королем румским. Вот что ответил мне этот многоопытный человек:

— Да, у нас действительно есть император, но он изгнан из Рума, где у него нет даже дома; мы дозволяем ему жить на одной большой реке [80], четыре месяца в году окованной льдом и пересекающей страну, язык которой раздирает наш слух. Подлинный император — папа: ему принадлежит столица империи. Следовательно, «отдавайте кесарево кесарю» значит «отдавайте папе», а «божие богу» опять-таки значит «папе» — он ведь на самом деле наместник божий, единственный властелин сердец и кошельков. Если император, живущий на большой реке, осмелится сказать ему хоть слово поперек, мы взбунтуем население ее берегов, состоящее в большинстве своем из здоровенных безмозглых мужланов, и натравим на императора других государей, которые охотно поделят с нами его наследство.

Теперь, божественный Шастраджит, ты пред-

---

[79] Примечания: 79

Речь идет о номинальном главе так называемой Священной Римской империи германской нации, конгломерата государств, которые не всегда считались с верховной властью императора.

[80] Примечания: 80

...на одной большой реке... — то есть на Дунае, в Вене.

ставляешь себе, какой дух царит в Руме. Папа — это все равно что далай-лама, только в увеличенном масштабе; правда, он не бессмертен, как тот, зато всемогущ при жизни, что гораздо приятней. Иногда ему противятся, дают пощечины, низлагают, а то и убивают его в объятиях любовницы [81], но эти неприятности никак не умаляют его божественности. Вы можете дать ему сто ударов плетью, но обязаны верить всему, что он ни скажет. Папа смертен, папство бессмертно. Случалось, что папский престол оспаривало несколько наместников божиих сразу. Тогда божественность делилась между ними: каждый получал свою долю и оставался непогрешим в пределах ее.

Я спросил монсеньора, какое искусство помогло его двору поставить себя выше остальных.

— Разве умным людям нужно особое искусство, чтобы управлять дураками? — ответил он.

Я полюбопытствовал, не восставал ли кто-

---

[81] Примечания: 81

Иоанн VIII убит ревнивым мужем с помощью молота; Иоанн X, любовник Теодоры, задушен в собственной постели; Стефан VIII заключен в замок, именуемый ныне Замком святого ангела; Стефан IX получил от римлян несколько ударов мечом по лицу; Иоанн XII низложен императором Оттоном I и убит в доме одной из своих любовниц; Бенедикт V изгнан императором Оттоном I; Бенедикт VIII задушен незаконным отпрыском Иоанна X; Бенедикт IX купил себе треть понтификата и перепродал ее, и т. д. и т. п. Все они были непогрешимы.

нибудь против велений наместника божия. Монсиньор признал, что встречались безумцы, дерзавшие открыть глаза на вещи, но этих негодяев быстро ослепляли или уничтожали, а все их бунты служили до сих пор лишь к вящему утверждению непогрешимости на троне истины.

Новый наместник божий наконец избран. Звонят колокола, бьют барабаны, трубят трубы, стреляют пушки, и этому гулу вторит полтораста тысяч голосов. Я сообщу тебе обо всем, что увижу.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

23-го числа месяца крокодила [82] — или, поздешнему, 13-го числа месяца планеты Марс — на людей в красном низошло озарение, и они избрали непогрешимого, которому предстоит судить меня и Отраду Очей за вероотступничество.

Зовут этого земного бога Львом, по счету десятым. Он весьма приятный и красивый мужчина лет тридцати четырех — тридцати пяти; женщины без ума от него. Он подхватил дурную болезнь, известную лишь в Европе, хотя португальцы уже начали разносить ее по Индостану. Все думали, что он умрет, почему его и выбрали папой — в этом случае святейший престол опять стал бы вакантным; однако больной выздоровел и потешается теперь над выборщиками.

Трудно себе представить коронацию великолепней! Новый папа истратил пять миллионов рупий на нужды своего бога, который был столь беден. Я не мог писать тебе из-за шумных празд-

---

[82] Примечания: 82
Такого месяца в китайском календаре нет.

неств: они следовали друг за другом с такой быстротой, мне приходилось участвовать в стольких развлечениях, что у меня не оставалось ни одной свободной минуты.

Наместник божий Лев устроил увеселения, о которых ты даже понятия не имеешь. Одно из них, называемое комедией, понравилось мне больше всех остальных, вместе взятых. Это изображение человеческой жизни, живая картина, где говорят, действуют, защищают свои интересы, предаются страстям и волнуют всем этим зрителя.

Комедия, виденная мною третьего дня у папы, называется «Мандрагора» [83]. Герой пиесы — ловкий молодой человек, возмечтавший соблазнить жену соседа. Он подкупает монаха вроде Фатутто или Фамольто, чтобы тот улестил его возлюбленную и помог ему одурачить мужа. Представление — сплошная насмешка над религией, которую исповедует вся Европа и средоточие которой Рум, а вершина — папский престол. Допускаю, что подобные забавы покажутся тебе непристойными, дорогой и благочестивый Шастраджит. Отрада Очей тоже была возмущена, и все-таки комедия

[83] Примечания: 83

«Мандрагора» — комедия Николо Макиавелли, поставленная в Риме в 1520 г. Вольтеру очень нравилась эта пьеса, он как-то заметил, что «она стоит, быть может, всех пьес Аристофана».

так забавна, что удовольствие от нее заглушило возмущение.

Празднества, балы, пышные богослужения, плясуны-канатоходцы не успевают сменять друг друга. Особенно примечательны балы. Каждый приглашенный надевает чужое платье и картонную личину поверх собственного лица. Под этим прикрытием ведутся разговоры, от которых можно лопнуть со смеху. За едой неизменно звучит приятнейшая музыка; словом, очарование да и только!

Мне рассказали, что один из предшественников Льва, наместник божий Александр VI [84] по случаю свадьбы какой-то из незаконных своих дочерей дал еще более необычное празднество: на нем плясало пятьдесят совершенно обнаженных девушек. Брамины никогда не устраивают подобных танцев. Как видишь, в каждой стране свои порядки. Почтительно обнимаю тебя и заканчиваю письмо — иду танцевать со своей прекрасной Адатеей. Да взыщет Бирма тебя своими милостями!

---

[84] Примечания: 84

Александр VI — папа римский с 1492 по 1503 г…какой-то из незаконных своих дочерей… — Речь идет о знаменитой красавице Лукреции Борджа (1480 — 1519), покровительнице литературы и искусства, прославившейся также своим развратом.

СЕМНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

Поверь, верховный брамин, отнюдь не все наместники божий были столь же приятны в обхождении, как нынешний. Жить под его властью — одно удовольствие. А вот покойный предшественник его, по имени Юлий II, был совсем иного нрава: старый неугомонный солдат, он до безумия любил войну [85]; вечно в седле, вечно в шлеме, раздавая благословения вперемежку с сабельными ударами, он нападал на соседей, осуждал на гибель их души, сокрушал, по возможности, тела и умер в припадке гнева. Этот наместник божий был сущим дьяволом. Поверишь ли? Он вбил себе в голову, что может с помощью простой бумажки отнимать у королей их владения. Он задумал низложить таким манером короля довольно красивой страны по имени Франция. Король этот был очень добрый человек. Здесь, правда, его считают дураком, но

---

[85] Примечания: 85

Юлий II принимал участие в так называемых Итальянских войнах, которые вела Франция в первой половине XVI в. за господство в Северной Италии.

лишь потому, что ему не везло. Этот злополучный государь был однажды вынужден собрать ученейших людей своего королевства и спросить их, вправе ли он защищаться от наместника божия, который уже низложил его на бумаге [86]. Надо быть слишком добрым, чтобы задавать подобный вопрос! Я выразил свое удивление фиолетовому монсиньору, который подружился со мной.

— Неужели европейцы настолько глупы? — спросил я.

— Боюсь, — ответил он, — что наместники божий чересчур злоупотребляют долготерпением людей — те в конце концов могут и поумнеть.

Вероятно, в европейской религии неизбежен решительный переворот. Ты удивишься, ученый и проницательный Шастраджит, почему

---

[86] Примечания: 86

В 1510 г. папа Юлий II отлучил от церкви короля французского Людовика XII, а на Францию наложил интердикт и обещал отдать ее первому, кто пожелает сесть там на трон. В 1512 г. интердикт и отлучение были повторены. Сегодня нам трудно понять, как можно дойти до такой смешной наглости. Тем не менее со времен Григория VII [Папа Григорий VII (на папском престоле в 1073 — 1088 гг.) прославился своей борьбой с императором Генрихом IV, которого он заставил явиться с повинной в Каноссу.] не было почти ни одного римского епископа, который не пытался бы назначать и свергать государей по своему произволу. Правда, монархи вполне заслужили такое возмутительное обращение: они оказались настолько глупы, что сами привили своим подданным веру в непогрешимость папы и его верховенство над всеми церквами. Они сами ввергли себя в оковы, которые трудно разорвать. Суеверие привело к полному хаосу в делах правления. Свет разума засиял западным народам лишь очень поздно; он залечил часть ран,

нанесенных людскому роду его врагом суеверием, но шрамы от них остались и поныне.

он не произошел еще при наместнике божием Александре, предшественнике Юлия. Этот папа безнаказанно убивал, вешал, топил и отравлял своих владетельных соседей. Исполнителем этих бесчисленных преступлений был один из пяти его незаконных сыновей [87]. И как только народы сумели сохранить приверженность к вере, исповедуемой таким чудовищем? Он тот самый папа, у которого девушки плясали без каких бы то ни было излишних украшений. Его непотребства должны были бы вызвать всеобщее презрение, его зверства — навострить против него тысячи кинжалов, а он преспокойно жил среди своего двора и даже пользовался уважением. На мой взгляд, причина здесь в том, что от злодейств Александра священники только выигрывали, народ же ничего не терял. Но стоит раздражить его сверх меры, как он порвет свои цепи. Колосс не шелохнулся от ста ударов тарана, но рухнет от одного меткого камня — вот что говорят в Руме те, кто наиболее дальновиден.

Празднества наконец закончились, да столько их и не нужно: ничто так не утомляет, как необычное, когда оно становится обычным.

[87] Примечания: 87

Вольтер имеет в виду кардинала Чезаре Борджа (1476 — 1507), игравшего видную роль в политической жизни своего времени.

Удовлетворение постоянно возрождающихся потребностей — вот единственный неиссякаемый источник наслаждения. Вверяю себя твоим святым молитвам.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

Непогрешимый пожелал дать нам с Отрадой Очей частную аудиенцию. Наш монсиньор провел нас в папский дворец и велел нам трижды преклонить колени. Наместник божий, покатываясь со смеху, протянул нам правую ногу, чтобы мы облобызали ее. Он спросил, крестил ли нас отец Фатутто и вправду ли мы христиане. Жена моя ответила, что отец Фатутто наглец.

Папа, расхохотавшись еще громче, дважды расцеловал ее и один раз меня.

Затем он усадил нас сбоку от скамеечки, на которую становятся, целуя ему ногу, и стал расспрашивать, как занимаются любовью в Бенаресе, в каком возрасте выдают там девушек замуж и есть ли сераль у великого Брамы. Жена моя зарделась, я же ответил, с почтительной скромностью. Потом он посоветовал нам принять христианство, обнял нас, потрепал в знак благоволения по заду и отпустил. Выходя, мы столкнулись с отцами Фатутто и Фамольто, облобызавшими подол наших одежд. В первую минуту, впечатления

которой всегда столь властны над человеком, мы с отвращением отшатнулись, но фиолетовый монсиньор сказал:

— Вы еще не совсем у нас освоились. Непременно и всячески обласкайте этих добрых отцов: целовать заклятого врага — первейшая обязанность жителя нашей страны. Можете отравить их при первом удобном случае, но до тех пор не уставайте выказывать им приязнь.

Короче, я расцеловал монахов, но Отрада Очей ограничилась лишь сухим приседанием, а Фатутто, склонясь перед ней до земли, успел-таки обшарить ее глазами. Очаровательно, не правда ли? Мы по целым дням не приходим в себя от изумления. Право, я начинаю сомневаться, что жить в Мадуре приятней, чем в Руме.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

Управы на Фатутто не будет. Вчера утром юная Дара заглянула из любопытства в один небольшой храм. Народ стоял на коленях, а задом к нему над столом склонился здешний брамин в роскошном облачении. Даре сказали, что он изготовляет бога. Завершив свой труд, он повернулся лицом к верующим, и Дара невольно вскрикнула.

— Вот негодяй, обесчестивший меня! — возопила она.

К счастью, растерявшись от горя и удивления, Дара произнесла эти слова по-индийски: меня уверяют, что, если бы чернь поняла их, девушку растерзали бы как ведьму. Фатутто ответил по-итальянски:

— Дочь моя, да смилуется над вами дева Мария!

Говорите тише.

Дара вне себя помчалась домой и рассказала нам о случившемся. Наши друзья посоветовали ни в коем случае не подавать жалоб. Фатутто — святой, сказали они, а о святых не говорят

дурно. Пожалуй, это правильно: сделанного не воротишь. Мы терпеливо вкушаем все радости, какими нас здесь потчуют. Каждый день мы узнаем что-нибудь такое, о чем даже не подозревали. Как много дают человеку путешествия!

Ко двору Льва прибыл великий поэт, некий мессер Ариосто [88]. Он терпеть не может монахов и вот как отзывается о них:

Non sa quel che sia amor, non sa che vaglia
La caritade; e quindi avvien che i frati
Sony si ingorda e si crudel camagua [89]

что значит по-индийски:

Modermen sebar eso
La te ben sofa meso.

Ты чувствуешь, насколько наш древний язык был и будет выше всех новых европейских наречий? Мы в двух-трех словах выражаем то, на что им едва хватает десятка. Я понимаю, что Ариосто вправе считать монахов сволочью, но почему он

---

[88] Примечания: 88
Вольтер цитирует далее «Сатиру на брак» Лодовико Ариосто.

[89] Примечания: 89
Любовь и состраданье чужды братье.
Вот почему монахов и могу
Жестокосердой сволочью назвать я (итал.).

утверждает, что им чужда любовь? Увы, мы-то знаем, что это не так. Впрочем, он, наверно, хотел сказать, что они ищут не любви, а наслаждения.

ДВАДЦАТОЕ ПИСЬМО АМАБЕДА

Я не писал тебе уже несколько дней, дорогой мой верховный брамин, и виной тому внимание, коим нас окружают. Наш монсиньор дал нам великолепный обед, на котором присутствовало двое молодых людей, с ног до головы в красном. Они оба имеют сан кардинала, что можно перевести как «первая спица в колеснице». Одного зовут Сакрипанте [90], другого — Факинетти. Они в самом деле первые на земле после папы, отчего их и величают наместниками наместника божия. Им дано право — тоже, несомненно, от бога — быть равным государям, стоять выше принцев и, главное, обладать несметными богатствами. Они вполне этого заслуживают — от них ведь столько пользы человечеству.

За обедом два эти вельможи пригласили нас провести несколько дней в их загородных домах: мы теперь нарасхват. После презабавных споров о первенстве моя прекрасная Адатея досталась

---

[90] Примечания: 90

Сакрипанте. — Такого кардинала никогда не было; так зовут одного из комических персонажей поэм Маттео Боярдо (ок. 1440 — 1494) «Влюбленный Орландо» и Ариосто «Неистовый Орландо».

Факинетти [91], а мною завладел Сакрипанте с условием, что послезавтра они обменяются гостями, после чего мы снова соберемся все вчетвером. Мы взяли с собой и Дару. Не знаю даже, как поведать тебе о том, что с нами произошло, но все-таки попробую…

Здесь письма Амабеда обрываются. Недостающая часть манускрипта разыскивалась во всех книгохранилищах Мадуры и Бенареса, но тщетно. Можно смело считать ее утраченной.

Следовательно, в случае, если какой-нибудь бесчестный фальсификатор обнародует дальнейшие приключения двух молодых индийцев — «Новые письма Амабеда», «Новые письма Отрады Очей» или «Ответы верховного брамина Шастраджита», читатель может быть уверен, что его дурачат и что ему будет скучно, как уже неоднократно бывало в сходных обстоятельствах.

---

[91] Примечания: 91

Факинетти — а такой кардинал действительно существовал. Это Джованни Антонио Факинетти (1519 — 1591), ставший кардиналом в 1583 г., а в 1591 избранный папой под именем Иннокентия IX.